Николай Сироткин

РЕТРО* ДЕТЕКТИВ

РЕТРО* ДЕТЕКТИВ

Капкан для террориста

Алексей Авилов # 1

18+

Николай Сироткин

Капкан для террориста

https://litres.ru/73083873
SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1880 год. Из секретной типографии партии «Народная воля» странным образом исчезают четверо работников и новейшее полиграфическое оборудование, аналогов которому нет даже в Европе. Необходимо в кратчайшие сроки разобраться в том, что произошло, найти людей, вычислить предателя и вернуть оборудование. Однако среди народовольцев нет специалистов, способных выполнить эту работу, и тогда Софья Перовская обращается к криминальному петербургскому журналисту Алексею Авилову. Бывший жандармский ротмистр берётся за дело, не подозревая, во что ввязался.

Николай Сироткин
Капкан для террориста

Глава 1. Инженер Князев получает интересное предложение. Липецк, 17 июня 1879 года, вторник.

Владимир Князев, в прошлом активный член организации «Земля и воля» (1), а в настоящем главный инженер московского механического завода «Братья Ф. и Э. Бромлей» (2), не спеша прогуливался по мокрым от недавно прошедшего дождя аллеям липецкого городского парка. Спешить ему было некуда, поскольку до встречи с Александром Михайловым (3) оставалось ещё как минимум полчаса. Остановившись в назначенном месте возле фонтана, Владимир достал из кармана жилетки золотой брегет и, открыв крышку, на всякий случай, уточнил время. Убедившись, что действительно пришёл слишком рано, он обошел фонтан по кругу и так же неторопливо направился в обратную сторону.

Пять лет назад, увлечённый идеями «народников» (4) Владимир Князев с группой товарищей отправился в Саратовскую губернию пропагандировать среди крестьянства революционные идеи. «Хождение в народ» (5) продлилось всего полгода, на большее у них просто не хватило ни сил, ни энтузиазма. Затем последовали массовые аресты революционеров и в застенках оказались несколько тысяч человек. Владимиру с соратниками повезло, никто из них тогда аресто-

ван не был. Позже выяснилось, что большую часть списков успели сжечь. Сразу после возвращения в Москву, разочаровавшийся в идеях народничества, Князев устроился на завод «Братья Ф. и Э. Бромлей» инженером. Через четыре года он уже главный инженер завода с приличным окладом и солидным положением.

С Михайловым Князева познакомила Софья Перовская (6). Она проходила по процессу 193-х (7), но была оправдана и, оказавшись на свободе, развила бурную деятельность, помогая молодому Александру Михайлову собрать остатки организации «Земля и воля». Владимир, помня о своем «долге» перед товарищами, по первому зову приехал в Петербург, и, глядя в большие светло-серые глаза Софьи Львовны, честно признался, что больше не верит в идеи народничества. Ему до сих пор было стыдно за то, что в критический момент он выбрал «сытое благополучие» и бросил людей, которых безмерно уважал и перед которыми преклонялся, но врать он не мог.

Перовская и присутствовавший при разговоре Михайлов отнеслись к его решению с пониманием. Позже он, догадался, что они разделяли его взгляды на идеи народничества и уже выбрали для себя иной путь политической борьбы с режимом – террор, но каким-то внутренним чутьём поняли, что Князев не сторонник радикальных мер. Настаивать и уговаривать не стали, за что он был им бесконечно благодарен.

Четыре года спокойной жизни окончательно выветрили из головы молодого инженера мысли о революционной борьбе и построении справедливого общества. Не имея вредных привычек и будучи холостяком, Владимир в свободное время стал много читать, причём кроме технической литературы, его интересовали ещё история и философия. Анализируя прочитанное, он вдруг ясно понял, что ни одна революция не сделала простых людей счастливыми. Единственный результат всех революций – переделка властных структур по сути ничего не меняет. На смену одной элите приходит другая, и этот процесс бесконечен. Разница лишь в том, что процесс циркуляции элит может быть постепенным, естественным и эволюционно обоснованным, а может быть стремительным, связанным с революцией. Взять, к примеру, революции XVI века в Англии и Нидерландах. Там прежних светских и духовных феодалов сменила новая элита – буржуа, банкиры и купцы. Однако никаких улучшений в жизни простых крестьян не произошло. Ни одна революция не создала «нового человека», а всего лишь породила новые господствующие классы. Главное, к чему пришёл в своих рассуждениях Князев, это опасность в насаждении обществу какой-либо идеологии, что неизбежно приведёт к возникновению тоталитарного режима и массовым репрессиям. Теперь он прекрасно понимал, что народничество, а тем более терроризм это путь в никуда и искренне радовался, что вовремя успел расстаться с иллюзиями. При этом Князев не осуждал

своих бывших соратников, искренне считая, что не имеет на это морального права, поскольку сам когда-то был одним из них. Он надеялся, что о нём давно забыли, но вот неделю назад к нему на квартиру неожиданно пришла женщина, которую он знал еще по Петербургу, но только под псевдонимом Баска (8). Зайдя в квартиру, она передала ему записку, в которой было всего одно предложение:

«Встретимся в Липецком парке у фонтана напротив здания минеральных ванн 17 июня в четыре часа пополудни».

Прочитав, Князев вопросительно посмотрел на Баску.

– Это от Александра Михайлова. – Пояснила она. – Он очень просил найти время и приехать.

Видимо посчитав на этом свою миссию оконченной, она развернулась и быстро вышла. Сквозь неплотно прикрытую дверь Князев слышал дробный стук её каблучков по ступеням лестницы. Весь вечер Владимир решал сложную дилемму: «ехать, или не ехать». Выбор между совестью и рассудком был сложным. Наконец, устав взвешивать все «за» и «против», он принял соломоново решение: он поедет, встретится с Михайловым, но ни о каком возврате к прошлому не может быть и речи. На следующий день, сославшись на болезнь, он взял отпуск на неделю и уехал в Липецк, где поселился в небольшой одноэтажной гостинице у подножия Соборной горы. Приехал он заранее, и два дня отдыхал, с удовольствием гуляя по парку, и дегустирую местную минеральную воду, о лечебных свойствах которой здесь на каждом уг-

лу напоминали рекламные щиты.

Возвращаясь к фонтану, Князев уже издали увидел высокую статную фигуру Михайлова и, ускорив шаг, через минуту пожимал крепкую мускулистую руку бывшего соратника по партии.

– Спасибо, что приехал.

– А у тебя были сомнения на мой счёт?

– Не только у меня, Квятковский (9) готов был заключить пари на крупную сумму, уверяя, что ты не приедешь. Я отказался и вижу, напрасно.

– У вас что, в Липецке съезд проходит?

Вместо ответа Александр, молча, указал на ближайшую лавочку, скрытую в тени кустов пышно разросшейся сирени. Достав из кармана газету, он аккуратно разорвал её пополам и расстелил на влажных деревянных досках. Когда они сели, Михайлов выждал, пока мимо них пройдут две дамы, в сопровождении щегольски одетого молодого человека, и только после того, как они удалились на приличное расстояние, продолжил разговор.

– Съезд действительно будет, только не здесь, так что беспокоиться не о чем, тем более тебе. Все списки членов «Земля и воля» уничтожены, остались только те, что попали в руки полиции в ходе массовых арестов с 1873 по 1877 годы, а там твоей фамилии нет. Ты уже в курсе, что мы разошлись с Плехановым во взглядах на дальнейшие методы борьбы?

– Откуда, я не поддерживаю никаких связей с бывшими

товарищами. – Князев был явно смущен своим признанием. – Сам не знаю, Александр, как так получилось.

– Не извиняйся, Владимир, это не твоя вина, просто ты не создан для революционной борьбы. Так вот, мы организовали свою партию и на ближайшем съезде в Воронеже объявим о выходе из организации «Земля и воля». Понятно, что свои финансовые источники они нам не отдадут, поэтому нужно искать новые, а поскольку мы решили перейти к более радикальным методам борьбы с режимом, есть опасения, что многие сочувствующие делу революции от нас отвернутся и на благотворительные пожертвования нам будет трудно рассчитывать.

Михайлов говорил обтекаемо, не называя вещи своими именами, чтобы не шокировать Князева, однако тот прекрасно всё понял – одно дело просить деньги на просвещение и лечение крестьян, и совсем другое на террористические акты.

– Сразу скажу, что наша просьба никак не скомпрометирует лично тебя. Никаких адских машин и прочих террористических штучек. Мы хорошо тебя знаем, и никогда не стали бы предлагать ничего подобного. Ты выступаешь как инженер, частное лицо, к которому за помощью обратился крупный фабрикант. Недавно к нам пришёл один товарищ с интересным предложением. Он разработал способ создания многокрасочного печатного изображения за один проход. Идея очень интересная. Теоретически это позволит не

только улучшить качество печати, но и резко повысить производительность. Однако, проблема в том, что у нашего человека, есть только голая идея и нужен грамотный инженер, способный довести его мысли до готового образца.

– Помочь с расчетами и чертежами?

– Именно так. Ты не волнуйся, все работы будут оплачены по самому высокому тарифу…

– О чём речь, Александр, мне не трудно…

– Не нужно благотворительности, Владимир. – Михайлов похлопал Князева по плечу. – Ты в этом деле выступаешь не как наш бывший товарищ по борьбе, а как постороннее лицо, человек со стороны. Тебя просто наняли выполнить определенную работу по договору и не нужно ничего усложнять. Это для твоей же безопасности.

– Я понял, но зачем вам это оборудование?

– Этот станок позволит нам зарабатывать деньги, и наша новая партия обретёт финансовую независимость. Революция – дело весьма затратное. Только на одни конспиративные квартиры уходит около десяти тысяч рублей ежемесячно. А поездки по стране, поддержка товарищей в тюрьмах, ссылках и за границей, взятки, подпольные типографии, фальшивые документы, закупка оружия, динамит и ещё много чего.

– История с Херсонским банком случайно не ваша работа?

Ограбление Херсонского казначейства (10) в последние

две недели, было главной темой всех российских газет. Деньги хранились в подвальном помещении, и чтобы попасть туда грабителям пришлось снять квартиру напротив банка в доме вице-губернатора, выкопать подземный туннель под дорогой длиной около десяти метров и пробить две стены. Официально сумма похищенного не называлась, а заголовки газет пестрели прямо- таки фантастическими суммами с шестью нулями.

– Глупо отрицать очевидное.

– Тогда, о каких финансовых проблемах ты говоришь. По слухам, из хранилища похищено около одного миллиона рублей.

– Чуть больше, примерно полтора миллиона рублей. – Уточнил Михайлов. – Вот только толку от этих денег пока никакого. Вывезти удалось всего десять тысяч, остальное закопали. Город сейчас полностью блокирован, идут повальные обыски и аресты. Подключены не только полиция и жандармы, но и армейские подразделения. Уже арестованы все участники ограбления, кроме Сашки-инженера, так что обнаружение тайника с деньгами это лишь вопрос времени (11).

– Кто отвечал за операцию?

– Фроленко (12), черт бы побрал этого чистоплюя! Ему, видите ли, совесть не позволяет красть. Вот напасть на конвой, всех перестрелять и забрать деньги это честно и благородно, а красть это мерзко (13). Рыцарь нашелся, мать его…

Взвалил все на Сашку – инженера (14) и Лену Россикову (15), а сам смотался в Харьков, устраивать побег (16). В итоге не получилось ни там, ни там. Теперь вся надежда на тебя. Ты не представляешь, как нам сейчас нужен этот станок.

– А что вы собираетесь печатать?

– Ты знаешь, сколько открытых писем (17) продаёт ежегодно почтовое ведомство?

– Даже не задумывался над этим вопросом.

– Я тебе скажу – сто миллионов штук. При розничной цене даже в три копейки за бланк общая сумма составит кругленькую цифру в три миллиона рублей. Представляешь, какие деньги там крутятся?

– Как вы собираетесь получить этот заказ?

– Это наши проблемы, Владимир, не забивай себе голову. Если не получится с казной, у нас есть несколько запасных вариантов.

– Хорошо, выкладывай, что там придумал ваш новоявленный Кулибин(18)?

– Сейчас, чтобы напечатать цветной рисунок, необходимо изготовить, как минимум, три отдельных формы – для красного, синего и желтого красителя. Цветное изображение получается последовательным наложением оттисков с трех разных форм с промежуточной подсушкой слоев. Идеально точно совместить все три изображения при подобной технологии практически невозможно, отсюда и низкое качество. Кроме того весь процесс сильно растянут по времени, что

резко снижает производительность. Наш товарищ предложил способ, позволяющий наносить цветное изображение на бумагу за один прогон, разом устраняя все перечисленные недостатки.

Михайлов достал из внутреннего кармана листок бумаги и, развернув его, положил между ними на скамью.

– Вот смотри – Начал он объяснять, склонившемуся над эскизом Князеву. – Как и при плоской печати, рисунок разбивается на три отдельных изображения по цвету красок: желтый, красный и синий. Для каждого из цветов методом фототипии изготавливается своя отдельная форма, но она не плоская, а в виде цилиндра. Все три оттиска последовательно накатываются на промежуточный прорезиненный вал, формируя на нем готовое цветное изображение, которое уже затем переносится на бумагу (19).

– Как ты совместишь оттиски с трёх отдельных форм на промежуточном валу?

– В этом и заключается суть предложения нашего товарища. – Воскликнул Михайлов, обрадованный тем, что Князев уловил основную идею. – Формы должны иметь две степени свободы для ручной настройки, благодаря чему рабочий сможет добиться идеального совпадения.

– Каким способом вы собираетесь изготавливать печатающие формы, ведь они должны быть изогнуты по радиусу.

– Этим будут заниматься фототиписты (20), Владимир, твоя задача согласовать вращение всех валов и разработать

систему точной настройки печатающих форм. Все тонкости тебе объяснит наш Кулибин, которого на самом деле зовут Афанасий Серов. Как только чертежи будут готовы, оформляй заказ на изготовление. Официальным заказчиком будет текстильный магнат Тихомиров Сергей Павлович, а его представителем на заводе Афанасий Серов.

– Как тебе удалось уговорить этого толстосума раскошелиться?

– Это было не сложно. Ты видел ротационные машины для многоцветной печати по ткани?

– Когда-то давно я был на Иваново-Вознесенской фабрике, наблюдал, как на непрерывной белой ленте полотна возникает цветной рисунок, но в тонкости не вдавался.

– Рисунок на ткань наносится с помощью медных гравированных валов – для каждого цвета нужен свой отдельный вал. Существуют машины способные наносить до двадцати цветов, но, как правило, используют не более пяти. Ротационная печать обладает огромными преимуществами: высокая скорость, способность передавать полутоновые и растровые изображения (21), длительный срок эксплуатации. К сожалению, все эти преимущества нивелирует высокая стоимость медных гравированных валов и самого печатного оборудования. Затраты окупаются только при выпуске очень больших партий ткани. Именно на этом мы и решили сыграть – представили нашего товарища, как начинающего изобретателя, который ищет мецената для внедрения в про-

изводство своих идей и в частности, новый способ изготовления печатающих валов для текстильной промышленности.

О том, что российские меценаты поддерживали начинающих изобретателей, равно как и деятелей искусства, науки, медицины, Князев прекрасно знал. Их деятельность вызывала у него искреннее восхищение, поэтому слова Михайлова невольно задели молодого инженера.

– Но тогда это чистой воды обман. – Искренне возмутился Князев. – Не думал, что ты способен, обмануть доверившегося тебе человека, пусть и эксплуататора.

– Успокойся, Владимир, никакого обмана здесь нет. Мы выполним свое обещание и изготовим печатающие валы, но не гравировкой, что долго и дорого, а методом фототипии или химическим травлением, что снизит их стоимость в десятки раз.

– И ваши «дешевые» валы обеспечат такое же высокое качество печати?

– Я никогда не обещаю того, в чем не уверен. Мы договорились лишь провести опытные работы, которые господин Тихомиров добровольно согласился оплатить, а каков будет результат, одному богу известно. Если получится, то фабрикант с лихвой окупит все свои затраты.

– Хорошо, Александр, сегодня вечером я возвращаюсь в Москву, присылай Серова прямо ко мне домой. До понедельника я в отпуске, так что несколько дней поработаем у меня.

Проговорив еще полчаса и обсудив все детали, они рас-

стались. Князев возвращался в Москву, а Михайлов спешил на Воронежский съезд организации «Земля и воля» (22), чтобы окончательно порвать с народниками и объявить о создании новой партии «Народная воля», члены которой решили перейти от пропаганды к политической борьбе с царским режимом с использованием террористических методов.

Сидя в купе под равномерный перестук колес поезда Князев снова и снова прокручивал в голове состоявшийся в парке разговор, удивляясь, как быстро он согласился на предложение Михайлова. Понятно, что деньги, которые народовольцы получат от реализации печатной продукции, тех же открыток, пойдут на финансирование революционной партии, в том числе, на подготовку и поведение террористических актов. Формально Князев остаётся в стороне, он лишь выполнил частный заказ фабриканта, к тому же, как обещал Михайлов, эта сделка будет тайной. Никаких официальных договоров и оплата наличными, так что доказать его причастность к разработке оборудования будет довольно сложно. С другой стороны Владимир понимал, что обмануть можно кого угодно, только не себя. Тогда почему он согласился? Деньги? Он обеспеченный человек и не испытывает материальных проблем. На самом деле всё до банальности просто – его увлекла интересная идея, которая была проста по сути, но сложна по исполнению. Ему хотелось быстрее добраться до своей квартиры и заняться расчётами, тем более что ещё

оставалось четыре дня отпуска.

***

Примечания:

«Земля и воля» – тайное революционное общество, созданное в 1861 году. С 1876 года позиционировалась как народническая организация. В 1879 году произошел раскол на две партии: радикальную «Народная воля» и умеренную «Черный передел».

Завод «Братья Ф. и Э. Бромлей» – будущий «Красный пролетарий».

Михайлов Александр Дмитриевич (1855 – 1884) – русский революционер, народник, террорист, один из организаторов общества «Земля и воля», член Исполнительного комитета «Народной воли».

Народники ставили своей целью полное изменение общества на основе социалистических принципов. При этом народники считали крестьянство главной созидательной силой в предстоящей революции.

«Хождение в народ» – движение студентов и революционеров – народников с целью просвещения народа и революционной агитации среди крестьян.

Перовская Софья Львовна (1853 – 1881) – русская революционерка, член Исполнительного комитета партии «Народная воля». Непосредственно руководила убийством императора Александра II. Повешена 3 (15) апреля 1881 года на Семеновском плацу.

«Процесс 193-х» – официальное название «Дело о пропаганде в империи». Судебное дело революционеров-народников, арестованных за революционную пропаганду с 1873 по 1877 год.

Якимова Анна Васильевна (1856 – 1942) – русская революционерка, член Исполнительного комитета партии «Народная воля» и тайной организации «Свобода или смерть».

Квятковский Александр Александрович (1852 – 1880) – народоволец, участник покушения на Александра II (апрель 1879 года). Повешен в ноябре 1880 года.

Ограбление Херсонского банка – одна из первых акций группы «Свобода или смерть». В июне 1879 года из подвалов Херсонского банка было похищено более 1 500 000 рублей, однако революционерам достались только 16 000 рублей, остальные были возвращены властями.

Ограбление произошло 3 июня 1879 года, а деньги нашли через три недели.

Фроленко Михаил Федорович (1848 – 1938) – русский революционер, народник, член Исполнительного комитета партии «Народная воля»

Из объяснения Михаила Фроленко: «Если бы эти деньги мы могли получить путём открытого нападения с оружием в руках, тогда это было бы гораздо приемлемее. Но тайное похищение, кража… в этой форме я находил неприятный привкус».

Юрковский Федор Николаевич (1851 – 1896) – кличка

Сашка – инженер. Русский революционер-народник.

Россикова Елена Ивановна (1849 – 1894) – русская революционерка, участвовала в ограблении Херсонского банка в мае-июне 1879 года.

Исторический факт. Фроленко уехал в Харьков готовить побег арестованных товарищей из городской тюрьмы, вроде как по просьбе Перовской.

Открытое письмо (открытка) – почтовая карточка (бланк) на одной стороне которой писали адрес получателя и наклеивали марку, а обратная сторона предназначалась для письменного сообщения. Часто использовались для отправки поздравительных сообщений. Вначале были не иллюстрированными, но со временем их стали украшать виньетками, орнаментами и рисунками.

Кулибин (нарицательное значение) – мастер-самоучка, добившийся больших успехов.

Михайлов в общих чертах излагает принципы «орловской печати», изобретённой Иваном Ивановичем Орловым в 1890 – 1891 годах.

Фототипия – фотомеханический процесс получения типографского клише.

Растровые изображения – мелкие детали рисунка в виде линий и точек.

Липецкий съезд партии народовольцев проходил с 15 по 17 июня 1879 года. Воронежский съезд, окончательно расколовший организацию, проходил с 18 по 21 июня 1879 года.

***

Глава 2. Выгодный заказ. Петербург, Август 1879 года.

Тёплым августовским вечером, возле небольшого двухэтажного домика на окраине Петербурга остановилась извозчичья коляска. Сидевший на козлах бородатый мужик в синей долгополой поддёвке, перехваченной в поясе свернутым в жгут красным кушаком, повернувшись к седоку, громко произнес:

– Дом двадцать шесть, ваше благородие, как заказывали.

Номер можно было не называть, поскольку тот выделялся ярким пятном на углу дома. Развалившийся на сидении молодой человек в новеньком с иголочки сером костюме-тройке небрежным жестом достал их кармана жилетки серебряный полтинник, вложил его в раскрытую ладонь извозчика и, подхватив дорожный саквояж, проворно соскочил на землю.

Большой двухэтажный дом с мансардой, куда он так стремился, особых восторгов у него не вызвал. Давно некрашеные, в грязных разводах стены настолько выгорели и полиняли, что определить их первоначальный цвет уже не представлялось возможным. Молодой человек постоял в растерянности некоторое время, затем достал из кармана конверт и еще раз прочитал адрес. Убедившись, что никакой ошибки нет, он поднялся на три ступеньки и дернул за ручку звонка. Буквально сразу дверь открылась.

– Вы по приглашению? – Спросил стоявший на пороге вы-

сокий, модно одетый мужчина лет тридцати пяти – явно не слуга.

– Если вы про это? – Молодой человек показал конверт. – То я приехал по приглашению.

– Проходите, господин Григорьев. – Мужчина взял конверт и посторонился, пропуская гостя. – Ваша комната на втором этаже под номером два. Пока располагайтесь, а минут через двадцать я зайду к вам обсудить детали нашего будущего сотрудничества.

Поняв, что на этом торжественная встреча закончена, молодой человек, которого встречающий назвал Григорьевым, поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в комнату, на двери которой висела табличка с номером два. Оценив спартанскую обстановку: шкаф, кровать, стол, кресло и два стула, он поставил саквояж на пол и подошел к окну.

«Ну и дыра. – Подумал молодой человек, рассматривая расположенный внизу большой неухоженный сад. – Судя по всему, дом явно знавал лучшие времена».

Неделю назад Григорьев Вадим Антонович – один из лучших фотографов Москвы, если не лучший, получил странное письмо, где неизвестный предлагал ему интересную творческую работу сроком на два месяца, за что ему обещали заплатить две тысячи рублей. Суть работы не раскрывалась, но было понятно, что его приглашают именно как фотографа. В конверт вместе с короткой запиской был вложен чек на сто рублей – оплата расходов на поездку из Москвы

в Петербург. Письмо Алексея заинтриговало, но вряд ли бы заставило тронуться с места, если бы не постскриптум, где было сказано, что в случае отказа эти сто рублей он может с чистой совестью оставить себе, как плату за беспокойство. С подобной расточительностью Вадим ещё не сталкивался, поэтому решил прокатиться и побеседовать с потенциальным работодателем, тем более что сумма была достаточной для поездки туда и обратно.

Через двадцать минут в дверь постучали.

– Спасибо, что не поленились приехать, господин Григорьев. – «Хозяин», как его мысленно окрестил Вадим, прошел в комнату, встал возле стола, и представился. – Валевский Казимир Борисович, владелец частной типографии.

– Чем моя скромная особа могла заинтересовать владельца частной типографии?

– Не стоит умалять своих способностей, Вадим Антонович. Вы ведь не просто фотограф, но ещё и дипломированный химик, да к тому же специалист по гальванопластике (1) и химическому травлению металлов (2). К вашим услугам часто прибегают даже крупные казённые типографии…

– В особо сложных случаях, – перебив собеседника, уточнил Григорьев, – когда у них нет другого выхода.

– Я их понимаю, Вадим Антонович, ведь ваши услуги обходятся не дёшево.

– Зато я всегда выполняю порученную работу, господин Валевский, какой бы сложной она не была.

– Нам это известно, именно поэтому вас и пригласили. Судя по тому, что вы приняли наше предложение, финансовые условия вас устраивают?

– Для ответа на поставленный вами вопрос я должен знать, что именно мне предстоит делать?

– Справедливое замечание. Вы когда-нибудь видели немецкие или английские рождественские цветные открытки?

– Допустим.

– Мы хотим наладить их производство в России.

– Насколько мне известно, в Германии открытки печатают методом хромолитографии (3), а это довольно длительный и дорогой процесс, особенно, если речь идет о цветных изображениях. К тому же такая форма выдерживает максимум триста оттисков.

– Спорное утверждение, господин Григорьев, есть мнение, что с одной формы можно напечатать значительно больше экземпляров, но не будем сейчас устраивать дискуссию на эту тему, просто потому, что мы не собираемся использовать литографию (4). Как вам, наверное, уже известно, наиболее перспективным методом сейчас является фототипия (5). Именно для этого мы вас и пригласили.

– Простите, господин Валевский, вас не смущает тот факт, что в России печать открытых писем, или, как вы выражаетесь, открыток, это монополия казны?

– Ничуть. Во-первых, закон не запрещает привозить част-

ным лицам открытки из-за границы и продавать их в России, а во-вторых, в случае успеха нашего предприятия мы можем получить заказ от казны на печать бланков открытых писем для почтового ведомства.

– И каков объём печатной продукции для казны?

– К нашему делу, господин Григорьев, это не имеет никакого отношения. Надеюсь, я развеял все ваши сомнения?

– Я удовлетворён, если вы это имели в виду. Давайте уточним мою роль. Насколько я понял, мне предстоит произвести цветоделение оригинала и изготовить несколько форм для получения цветного изображения?

– В общих чертах вы правильно поняли свою задачу, Вадим Антонович. – Валевский, встал, подошел к стоявшему возле окна шкафу и достал небольшой альбом. – Здесь собраны три десятка красочных образцов, созданные нашим художником для запуска в серию, можете полюбоваться.

Григорьев взял альбом, и медленно листая страницы, внимательно просмотрел рисунки.

– Сколько красок вы хотите использовать для получения цветного изображения? – Спросил он, закрывая альбом и кладя его на стол.

– Всего три: красный, синий и жёлтый.

– Тогда зачем вам именно я, господин Валевский? – Григорьев улыбнулся и откинулся на спинку кресла. – Эту работу может выполнить любой грамотный фотограф за гораздо меньшую сумму.

– Мы не филантропы, господин Григорьев, а деловые люди. Всё не так просто, как может показаться. Начнём с того, что печатная форма представляет собой не обычную пластину для плоской печати, а медный цилиндр. Нужно не просто нанести светочувствительный слой на цилиндрическую поверхность, но и умудриться экспонировать его, а для этого нужен специалист очень высокого класса.

– Если не секрет, как вы собираетесь это сделать? Стеклянные негативы не гнутся, придется снимать светочувствительный слой с пластины, а это непременно приведет к искажению изображения.

– Никаких стеклянных негативов, Вадим Антонович. В качестве основы мы будем использовать целлулоидные пластинки. Они также прозрачны, как стекло, только значительно легче и легко сгибаются в любом направлении. В России об этом материале ещё мало кто знает, но европейские фотографы уже по достоинству оценили новинку. Нам доставили две упаковки из Англии (6).

– Вижу, вы все предусмотрели, господин Валевский. Моя задача – изготовить негативы для одного вида открыток и разработать технологию получения печатных форм методом фототипии на цилиндрической поверхности? А если я управлюсь за один месяц?

– В письме было сказано, что наше сотрудничество рассчитано на два месяца. Вы не только должны разработать эту технологию, но ещё и обучить наших людей, ведь это дол-

госрочный проект. Поскольку данные формы имеют ограниченный ресурс печати, мы обязаны иметь собственных специалистов. Думаю, вам не на что обижаться, господин Григорьев, оплата более чем достойная.

– Хорошо, как вы намерены расплатиться со мной?

– Чек «Санкт-Петербургского частного коммерческого банка» вас устроит? – Валевский положил перед Григорьевым банковский бланк на сумму две тысячи рублей. – Как только закончите работу, я впишу сюда ваше имя и поставлю свою подпись. При желании, мы можем расплатиться с вами и наличными. Сейчас извините, Вадим Антонович, у меня дела. Ужин ровно в семь, столовая на первом этаже, прошу не опаздывать.

– Черт! – Выругался про себя Вадим, когда за Казимиром закрылась дверь. – Вот влип! А все моё неуёмное любопытство. Захотелось узнать, что это за работа такая, за которую платят две тысячи рублей. Узнал! Поляк постоянно употребляет личные местоимения во множественном числе: «мы» и «нам» вместо «я» и «мне». Это оговорка или за ним действительно стоит какая-то организация? В таком случае, было бы интересно знать, к кому в лапы я угодил? На уголовников не похоже, этих я хорошо изучил, они так тонко не работают, скорее всего, какие-нибудь революционеры или аферисты. И тех и других в Польше и западных провинциях России, как собак нерезаных. Если аферисты, то просто ничего не заплатят, а вот если социалисты или анархисты, то запросто мо-

гут и к праотцам отправить. Чёрт с ними с деньгами, но закончить свою жизнь в столь раннем возрасте нежелательно. Шансы после выполнения работы остаться в живых пятьдесят на пятьдесят – для заядлого картёжника расклад не самый худший. А идея шикарная! Валевский не зря ушёл от прямого ответа и не стал озвучивать тираж открытых писем, там наверняка крутятся миллионы рублей. Вопрос только в том, как получить этот заказ?

Ровно в восемь часов вечера Вадим спустился на первый этаж и без труда нашел столовую. Кроме Казимира Валевского там находились еще три человека, все не старше тридцати лет.

– Господа, поскольку вся наша команда в сборе, прошу за стол.

Как хозяин дома он занял место во главе стола, а «наемные работники» разместились попарно слева и справа от него.

– Теперь разрешите мне представить вас друг другу. – Казимир начал справа от себя.

– Прокудин Иван Андреевич, наш художник. Именно он будет создавать оригиналы наших будущих шедевров.

– Григорьев Вадим Антонович, фотограф, химик, специалист по гальванопластике. У него самая сложная задача – изготовление печатных форм.

– Ян Куницкий, художник-ретушер и фототипист. Будет помогать фотографу – производить цветоделение, ретуши-

ровать негативы и изготавливать печатные формы.

– Иосиф Абрамович Милик, художник-гравер и типограф (7).

После того, как Казимир называл имя, человек вставал и, отвесив легкий поклон, снова занимал свое место за столом.

– Прежде чем мы приступим к ужину, напомню правила поведения на всё время нашей совместной работы. Первое. В целях конспирации вам запрещено покидать стены этого дома. Никакой охраны в виде вооружённых до зубов головорезов у нас нет, поэтому мы рассчитываем только на вашу сознательность. То, чем вы будете здесь заниматься, не представляет никакой тайны, просто не мы не хотим лишний раз светиться и привлекать к себе внимание. Все вы уже не раз имели дело с полицией и сами всё прекрасно понимаете. Надеюсь, никаких неприятностей с этой стороны не будет, и мы сможем уложиться в запланированные два месяца. Второе. Категорически запрещено пьянство. Каждый вечер вы будете получать на ужин две бутылки хорошего вина на четверых, думаю, этого будет достаточно. Третье и последнее. Строго настрого запрещено распускать руки и делать непристойные предложения горничным, в противном случае я вынужден буду нанять для обслуживания мужчин. Надеюсь, всем всё ясно?

Поскольку никто не возразил, Казимир взял в руки, лежавший рядом с ним на столе колокольчик и позвонил. Двустворчатая дверь столовой тут же распахнулась, и две мо-

лоденькие девушки – блондинка и брюнетка, в классической униформе горничных вкатили в столовую сервировочные столики, уставленные тарелками.

– Господа, сегодня меню на ужин составлял я, но, начиная с завтрашнего дня, вы будете делать это сами, сообразно вашим вкусам и пристрастиям. После ужина горничные обойдут комнаты и запишут ваши пожелания.

– А можно вино заменить пивом? – Решил подать голос Григорьев, просто, чтобы что-то сказать..

– Не возражаю, но не более двух бутылок на человека. Выскажите свои замечания, когда будете оговаривать меню.

Пока шел этот короткий диалог, горничные расставляли блюда. Нарезанная тонкими ломтиками холодная отварная телятина, наваристый украинский борщ, котлеты «Пожарские» с отварным картофелем и зеленью – отмечал про себя Вадим, мысленно посчитывая стоимость ужина. Завершали всё это гастрономическое великолепие две бутылки белого токайского вина. Тут он, наконец, обратил внимание, что ужин подан на четыре персоны и перевёл взгляд на «Хозяина».

– К сожалению, не могу составить вам компанию. – Улыбнулся Казимир в ответ на вопросительный взгляд Вадима. – Язва. Врачи рекомендовали соблюдать диету. Приятного аппетита, господа.

Он встал и вышел из столовой. Ужин прошел в полном молчании, да и о чём было говорить совершенно незнако-

мым людям. Никто из сидящих за столом не отказался от вина, включая и похожего на еврея Иосифа, который даже не заикнулся и о кошерной пище – ел всё подряд.

«Может он и не еврей вовсе? – Подумал Вадим, внимательно наблюдая за своими партнерами. – Интересно, они из одной компании с этим Казимиром, или люди со стороны, как и он»?

В это время в дверях опять появились горничные. Собрав грязную посуду, они принялись накрывать стол для чаепития. Водрузив на середину самовар и блюдо с миндальными пирожными, блондинка стала расставлять чашки, а брюнетка разливать чай. Закончив работу они, молча, вышли из столовой и закрыли дверь.

Вадим первым встал из-за стола, пожелал остальным приятного аппетита и, поднявшись на второй этаж, внимательно осмотрелся. Широкий коридор, как и внизу, делил дом на две равные половины. Крутая деревянная лестница, ведущая в мансарду, упиралась в закрытый люк. Большой амбарный замок, покрытый толстым слоем ржавчины, ясно давал понять, что попасть туда без шума не получится. На этаже строго симметрично располагались шесть комнат, по три с каждой стороны, двери которых выходили в коридор.

«Четыре комнаты предоставлены нам, а кто занимает оставшиеся две комнаты? – Несмотря на выпитое вино, голова работала хорошо, а природная фотографическая память надежно фиксировала мельчайшие детали. – Окна двух

дальних комнат выходят на улицу, а четырех оставшихся в сад, окружающий дом с трех сторон. Одну из этих комнат, среднюю слева под номером два, как раз занимает он сам, следовательно, остальные работники размещены в комнатах один, пять и шесть. Если его рассуждения верны, то в комнатах под номерами три и четыре должны находиться их охранники».

Услышав, что кто-то поднимается по лестнице, Алексей юркнул в свою комнату и встал у окна. Буквально через минуту раздался стук в дверь.

– Войдите!

Как он и предполагал, это пришла одна из горничных – брюнетка. Безупречно чистая и отглаженная униформа была идеально подогнана и выгодно подчеркивала достоинства ее фигуры. И внешность не подкачала, правда в форме горничной и с каменным выражением лица она напоминала «серую мышку». Согласовывая меню на следующий день, Вадим обратил внимание на то, как быстро и грамотно горничная писала. Тут за версту веяло приличным образованием. Желая проверить свои догадки он, называя блюда, как бы случайно перешел на французский язык. Однако, «серая мышка», не выказав никакого удивления, спокойно продолжила записывать. По-французски она писала также грамотно и чисто, как и по-русски. Теперь Григорьев был уверен, что работает на революционеров. Подруги жуликов и аферистов ведут себя более непринуждённо и расковано, а эти горничные под-

чиняются строгой дисциплине и скорее напоминают солдат, чем женщин.

«Умеют эти революционные пустомели соблазнять наивных дворянок. – С грустью подумал Вадим, глядя вслед выходившей из номера горничной. – Наверняка этой «серой мышке» так запудрили мозги, что она, ни секунды не колеблясь, всадит из револьвера мне в спину всю обойму в борьбе за их «светлое будущее».

Алексей прекрасно видел, что существующий в России строй не совершенен, что в массе своей простой народ живет плохо, что государственный аппарат погряз в коррупции, однако, подобное положение дел его совершенно не волновало. Он не собирался никого обличать и ничего менять, поскольку по натуре был приспособленцем. Зачем тратить силы, нервы и деньги на то, чтобы кому-то помочь, кого-то облагодетельствовать? Фраза «каждый сам за себя» была его девизом и его путеводной звездой. Он считал, что если каждый будет, заботится о себе и своей семье, всё будет хорошо. Именно так он и поступал.

По жизни Григорьев волк-одиночка. Всё сам, для себя и ради себя. Друзей у него нет, только клиенты и партнёры (иногда), как нет и постоянной подруги, лишь мимолётные, ничего не значащие и не к чему не обязывающие связи ради удовлетворения физических потребностей. Благодаря своим способностям, а он, без ложной скромности, действительно был превосходным химиком, Алексей мог позволить себе

жить в своё удовольствие. Не обремененный строгими моральными принципами, он брался за любую хорошо оплачиваемую работу, а лучше всего оплачивались услуги криминального характера. Клише для ценных бумаг (облигаций) с отрывными купонами, фальшивые печати, ювелирные изделия, монеты и ордена – вот далеко не полный список его «услуг». Правда, у него тоже были свои принципы, и он всегда отказывался от предложений изготовить динамит, какие бы цены при этом не назвались и какие бы угрозы не звучали. Террор он не признавал, а террористов ненавидел, считая их всех без исключения безумными фанатиками. Подобная жизненная позиция, или, как сейчас принято выражаться, политическая платформа, избавляла его от внимания лишь жандармов, но никак не уголовной полиции, куда его с регулярной периодичностью доставляли, иногда даже в наручниках. Однако все эти мелкие неприятности легко решались с помощью обычных денежных знаков, вопрос был лишь в цене.

Вращаясь, длительное время в криминальной среде, Вадим научился хорошо разбираться в людях, и нутром чувствовать исходящую от них опасность. Сейчас его «чувство опасности» зашкаливало! Как ловко Казимир усыпил их бдительность, заявив, что работа не представляет никакой тайны. Может кто-то ему и поверил, но только не он, не Вадим Григорьев. Старого воробья на мякине не проведёшь. Рождественские открытки? Держи карман шире! То-

му, кто владеет подобным оборудованием и технологией гораздо выгоднее печатать ценные бумаги, чем копеечные картинки. Оборудование у них уже есть, теперь дело за технологией, а значит всё в его руках. Можно провозиться два месяца, а потом просто развести руками и, как в том старом анекдоте про беззубую хромую лошадь трагическим голосом произнести:

– «Ну, не шмогла я, не шмогла, понимаешь!»

А что, это выход, всё равно ведь не заплатят. Правда, работа уж больно интересная, ведь ещё никто не изготавливал методом фототипии цилиндрические формы. Наконец, решив, что утро вечера мудренее, Вадим стал, готовится ко сну.

Несмотря на все свои страхи, спал Григорьев спокойно, и сон видел приятный: красивая белокурая барышня, ловко орудуя ножницами, делала ему модную причёску «а-ля Капуль» (8), при этом она ещё и успевала любезничать с клиентом. Всё было как наяву, Вадим даже ощущал нежное прикосновение рук очаровательной парикмахерши и слышал её чарующий голос. Каким-то внутренним чутьём он знал, что после стрижки обязательно последует бурное продолжение на ложе любви и был в радостном предвкушении грядущего. Как назло, в этот божественный момент, безотказно сработали внутренние часы и Григорьев проснулся.

***

Примечания:

Гальванопластика – технология получения металлических изделий или их копий, путем осаждения металла из электролита при помощи электрического тока.

Химическое травление металлов – способ обработки поверхности металла, при котором удаляют его наружный слой с помощью агрессивных веществ – кислот, солей и щелочей.

Хромолитография – способ литографского воспроизведения цветных изображений, при котором для каждого цвета изготавливается отдельная форма на камне или цинковой пластине.

Литография – разновидность печатной графики, основанная на технике плоской печати, при которой типографская краска под давлением переносится с плоской печатной формы на бумагу. Литограф – специалист по плоской печати.

Фототипия – фотомеханический процесс для получения типографского клише. Фототипист – рабочий, изготавливающий типографские клише методом фототипии.

В 1870 году американец Джон Уэсли Хайатт создал твёрдую смесь нитроцеллюлозы и камфары и зарегистрировал её под торговой маркой Celluloid. В 1879 году английский фотограф Джон Карбатт основал фирму, и начал выпускать пластины из целлулоида.

Типограф – специалист по типографскому набору.

Причёска «а-ля Капуль» – прямой пробор и волосы на лбу, уложенные по обе стороны от пробора в виде сегментов круга. Получила своё название в честь французского тенора

Виктора Капуля. Была популярна среди мужчин с середины 70-х годов XIX века, ассоциировалась с образом франта и дамского угодника. На самом деле женщины в XIX веке не стригли мужчин.

***

Глава 3. Предложение, от которого нельзя отказаться. Петербург, август – сентябрь 1879 года.

Возвращение из мира грёз в суровую реальность слегка подпортило настроение. Понежившись ещё немного в теплой постели, Вадим встал, умылся и тут же решил выяснить, что сулил ему столь божественный сон. Подобно многим творческим людям он был суеверным. Конечно, как современный человек с техническим образованием в век пара и электричества, он отрицал ворожбу, гадания и приметы, но сны это совсем другое дело. Григорьев верил, что сны, даже самые бредовые и несвязные несут в себе важное послание. Вот два года назад приснилась ему большая куча дерьма, в которую он по неосторожности вляпался, а затем долго и безуспешно пытался отмыть ботинки. Всё было настолько натурально, что он даже ощущал эту вонь. Правда, сразу после пробуждения источник «аромата» был быстро обнаружен – хозяин дома свалил под его раскрытым на ночь окном кучу свежего, ещё дымящегося навоза, а легкий бриз с реки заполнил этими испарениями всю комнату. Приятного, конечно, мало, но сонник успокоил, оказывается дерьмо снится к прибыли! Буквально через пару дней, ему вернули

долг, который он уже и не чаял получить. Как после такого не верить в волшебную силу сна?

Достав из баула потрёпанный Воронцовский сонник, с которым никогда не расставался, он углубился в процесс толкования приятного сновидения.

«Стриженным, подстриженным или бритым видишь себя – останешься голым, разутым, раздетым, всё у тебя заберут, обманут».

«Чёрт! – Выругался расстроенный фотограф, удивляясь тому, как точно его вчерашние мысли совпали с тем, о чём предупреждал вещий сон. – Видимо, действительно обманут».

Утешало только одно – про душегубство в соннике не было сказано ни слова.

Сразу после завтрака Валевский устроил в столовой небольшое совещание.

– Господа, мы создали печатный станок, для нанесения цветных изображений на бумагу за один прогон. Не буду вдаваться в подробности, отмечу главное – печатные формы должны быть нанесены на медные цилиндры.

– Это как в ротационных машинах на текстильном производстве?

– Верно, Иосиф Абрамович. Только там рисунок на печатных валах гравируется, а наши формы должны быть изготовлены методом фототипии. Насколько мне известно, до сих пор ещё никто не выполнял подобную работу.

– Может быть, лучше использовать плоскую гибкую основу, а потом просто закреплять её на рабочем цилиндре.

– Мы рассматривали такой вариант, Иван Андреевич, но не нашли подходящего материала для основы. К тому же, инженер-разработчик категорически против использования дополнительных креплений, которые усложнят конструкцию станка. Изготовлением форм займётся наш фотограф Вадим Григорьев, которому будет помогать опытный фототипист Ян Куницкий. Художник Иван Прокудин продолжит работы по созданию новых видов открыток, а типограф Иосиф Милик займётся текстом.

– А материалы и оборудование уже завезли? – Поинтересовался Григорьев.

– Из оборудования к вашим услугам павильонная фотокамера «Глобус» со сменной оптикой. Как я уже сказал, вместо стекла в качестве основы для негативов мы будем использовать листовой целлулоид.

– Светочувствительную эмульсию придётся готовить самим?

– Вы нас явно недооцениваете, Вадим Антонович, бромосеребряная эмульсия в виде желе (1) уже в лаборатории. Вам нужно только растопить необходимое количество на водяной бане (2).

– Еще нужны светофильтры.

– Синий, зелёныё и красный мы вам приготовили. Фотолаборатория рядом со столовой. С чего вы планируете начать

работу?

– С изготовления фотопластинок на целлулоидной основе. Затем настрою фотокамеру и произведу съемку образца, пока без фильтров, чтобы определить качество эмульсионного слоя. Наша задача состоит в том, чтобы максимально точно передать оригинал. Для этого нужны фотопластинки с очень низкой зернистостью, позволяющие получать негативы с тончайшей деталировкой, как в тенях, так и в светах. Кроме того, нужны камеры и объективы, позволяющие скопировать оригинал в масштабе один к одному без искажений. Вы уверены, что фотокамера «Глобус», предназначенная для портретной съёмки, обладает такими возможностями?

– Нет, не уверен, но другого варианта у нас не было. Всё упирается в размеры фотопластинок, и именно «Глобус» подходит наилучшим образом. К тому же я консультировался со специалистами, и никто из них не высказывал никаких опасений на этот счет.

– Это говорит лишь о низкой квалификации ваших «специалистов».

Григорьев прекрасно знал возможности камеры «Глобус», с которой не раз работал в студии фотосалона, прекрасно понимал, что она подходит для этой работы, однако желание покрасоваться и лишний раз продемонстрировать своё превосходство, оказалось сильнее. Валевский, будучи осведомлён о высоком самомнении Григорьева не стал понапрасну

тратить время и вступать в пререкания с молодым амбициозным химиком.

– В таком случае, я рад, что нам удалось договориться именно с вами. Приступайте к работе, а проблемы будем решать по мере их появления. У вас еще есть вопросы?

– Нам нужен образец с идеально проработанным рисунком.

– Мы уже отобрали рисунок для работы, он в фотолаборатории.

Под фотолабораторию была переоборудована смежная со столовой комната первого этажа, куда Григорьев и Куницкий пришли сразу после «совещания». Обстановка, как и во всех комнатах, отличалась минимализмом: два стола, два стула и двустворчатый шкаф. Единственное окно выходило в сад, прямо на стоявший в десяти саженях от дома старый покосившийся от времени сарай. Не успели они осмотреться, как появился Казимир.

– Ну, что, осваиваетесь? – Задал он риторический вопрос и, не ожидая ответа, подошел к шкафу. – Здесь всё ваше оборудование, если что-то не подойдет или потребуется дополнительно, не тяните, сразу обращайтесь.

– Образец?

– Он здесь. – Казимир открыл шкаф, взял с полки рабочую тетрадь и, развернув, достал красочную рождественскую картинку, размером с открытку. – Вот, полюбуйтесь, прекрасный образец творчества нашего художника.

Вадим внимательно рассмотрел рисунок, на котором женщина с девочкой наряжали ёлку, и с удовлетворением отметил, что художник не стал извращаться и использовал простые сочетания основных и составных цветов (3). Цветоделение не представляло особой сложности, да и контуры были прописаны чётко – Прокудин явно был хорошо знаком с требованиями полиграфии.

– Подойдет?

– Качество хорошее, думаю, должно получиться.

Вадим вернул рисунок Казимиру, подошел к шкафу и стал рассматривать содержимое. Его взгляд упал на три матовых медных цилиндра с цапфами (4), уложенных в специальных ячейках.

– Как я понимаю, это валы для печатных форм?

– Верно, Вадим Антонович. Как видите, все валы одного размера, что несколько упростит вашу работу. – Валевский развернулся и пошёл к двери. – Вы тут пока разбирайтесь, а я загляну к вашим соседям.

Рядом располагалась комната, где работали художник и типограф. Достав из шкафа большую коробку, Вадим отнёс её на стол у стены и, открыв, стал собирать фотокамеру.

– Тебе придется ретушировать негативы. – Обратился он к Куницкому. – Поэтому занимай стол у окна, там света больше, днём будет удобнее работать.

– А что это ты как за меня волнуешься, ведь ретушировать придется мне, а не тебе? – Огрызнулся Ян.

– Я не за тебя волнуюсь, а за дело. Чем быстрее выполним работу, тем быстрее получим деньги и свалим отсюда.

– В этом ты прав. – Легко согласился Куницкий, направляясь к своему новому рабочему месту. – Задерживаться здесь нет никакого желания. Ни выпивки, ни баб, как в монастыре!

– Вино на ужин дают. – Решил «прощупать» напарника Вадим. – Да и бабы есть…

– Ты насчет горничных? – Перебил его Куницкий, ехидно, посмеиваясь. – Вчера вечером, когда мамзели убирали посуду, беленькая слегка наклонилась и потянулась через стол за пустой чашкой, так Ванька тут же ухватил её двумя лапами за задницу.

Григорьев любил женщин, однако, красивые, но внешне холодные и неприступные горничные явно не располагали к такому фривольному обращению. Ему стало интересно, чем же всё закончилось. Он прекратил сборку и повернулся к напарнику.

– Ну?

– Ты себе не представляешь! Эта стерва ему с разворота так ногой по яйцам врезала, что нам с Ёськой пришлось его по лестнице на второй этаж волоком тащить. Обрати внимание, до сих пор в раскоряку ходит.

– Хорошо, что она Казимиру не пожаловалась, – Григорьев едва сдержался, чтобы не прыснуть от смеха. – Ведь он предупреждал.

– Еще как пожаловалась! Не успели мы Ивана уложить на

кровать, как он тут же и нарисовался.

– Кричал? Угрожал?

– Нет, что ты! Просто объяснил, что Иван ещё легко отделался, поскольку Бланка – так он эту суку назвал, в подобных случаях обычно сразу стреляет.

– Жуть, какая! Моментально все желание пропало. А у тебя как?

– Никак! Я теперь горничных стараюсь за версту обходить. Сегодня утром, когда завтрак подавали, я даже руки за спину спрятал, чтобы им чего не померещилось сдуру! Кто знает, что у них там в голове?

– А где она пистолет носит?

– Хрен её знает, у них под платьем что угодно можно спрятать.

– Может отказаться, пока не поздно?

– Ты что сдурел? Где ты ещё заработаешь такие деньги?

– Ты уверен, что нам заплатят и отпустят на все четыре стороны, когда мы выполним работу?

– Им нет смысла ни обманывать нас, ни тем более убивать, может, ещё не раз пригодимся. Такие специалисты на дороге не валяются. Я тут уже четыре дня и как-то ночью подслушал один разговор, так вот Казимир сказал, что собрать такую команду – редкая удача.

– А с кем ночью разговаривал Казимир?

– С каким-то мужиком, это было в полночь. Как раз в этот день приехал Ёська и привёз с собой четыре бутылки вина.

Он раньше работал с Казимиром и знал, что будет введён запрет на спиртное. Вино мы спрятали под лестницей на первом этаже. В случае чего – «я не я и хата не моя». Ночью решили выпить, бросили жребий, и выпало идти мне. Спустился, слышу, голоса доносятся из-за неплотно прикрытой двери столовой. Лиц я не видел, а подслушать удалось лишь пару фраз. Казимир назвал своего собеседника Пётр Иванович (5).

– Так ты говоришь, Иосиф уже работал с Казимиром?

– И не один раз – изготавливал поддельные паспорта и справки, как видишь живой и здоровый. Это он меня сюда сосватал.

В рассуждениях Куницкого была определённая логика. Официально Валевский не делает ничего противозаконного. Они там изобрели какой-то новый способ печати и собираются сделать на этом деньги. Он объяснил – хотят получить заказ на изготовление открытых писем для почтового ведомства. Даже если Валевский соврал, и они начнут подпольно печатать рождественские открытки или даже ценные бумаги, лично Григорьеву и остальным работникам это ничем не грозит. Могут они представлять для Валевского и его подельников какую-то опасность? Нет! Тогда какой смысл их убивать? Чтобы сэкономить на выплатах? Глупо! Если всё получится, это оборудование принесёт им миллионы. Куницкий прав, специалисты могут ещё не раз пригодиться. Настроение как-то сразу улучшилось.

– Давай вернёмся к работе. Не дай бог придёт Казимир, а мы ещё и не начинали.– Прервал размышления Григорьева Куницкий. – Вот скажи, как мы будем наносить светочувствительный слой на цилиндрическую поверхность?

– Очень просто. Изготовим приспособление для вращения валов через червячный редуктор. Затем приготовим светочувствительную эмульсию из хромированной желатины и будем поливать ею вращающийся медный цилиндр, пока не покроется вся поверхность.

– Почему через редуктор, а не проще ли напрямую?

– Чтобы вращение было плавным, и эмульсия легла ровным слоем.

– Придется вращать до полного высыхания, при слабом свете пары свечей, а это, как минимум несколько часов.

– Периодически будем подменять друг друга, или ты знаешь другой способ?

– Хорошо, а как будем экспонировать?

– Так же. Наложим на эмульсионный слой целлулоидный негатив, выставим на солнце и будем равномерно вращать. Это уже не так долго, примерно с полчаса.

Пока Куницкий резал листовой целлулоид по заданному размеру, Григорьев собрал фотокамеру, проверил её, а затем набросал эскиз приспособления для плавного вращения медных валов.

Следующий день, как по заказу, выдался солнечным, и Григорьев приступил к пробным съёмкам. Выбрав в саду

подходящее место, он установил фотокамеру, сделал первый снимок и бегом отправился в лабораторию, где его уже ждал Куницкий, успевший за это время подготовить растворы для обработки пластинок. Однако первый негатив не вызвал особой радости на лице фотографа.

– Что вас не устраивает, Вадим Антонович? – Спросил, рассматривая негатив через лупу, Валевский. – По-моему отличная работа, а мелкие огрехи устранит ретушёр.

– Крупнозернистое изображение. Сейчас это не бросается в глаза, но первый же отпечаток наглядно покажет все изъяны. Мы только зря потеряем время, работая с такими негативами. Лучше потратить пару дней сейчас, чем потом начинать всё заново.

– Вам виднее. – Не стал возражать Валевский. – Для этого вас и пригласили. Как вы собираетесь уменьшить зернистость?

– Есть два способа. Первый – уменьшить чувствительность фотоэмульсии. Чем ниже чувствительность, тем меньше зернистость получаемого изображения. Поскольку мы пользуемся покупной эмульсией, этот способ нам не подходит. Второй – увеличить время проявления экспонированных пластин. Чем дольше время проявления, тем ниже зернистость получаемого изображения. Для начала попробуем разбавить проявитель и увеличить время проявления. Если не получится, то вернёмся к первому варианту и будем самостоятельно готовить фотоэмульсию. Предлагаю провести

сразу три опытных проявки: с двукратным, четырёхкратным и шестикратным увеличением времени проявления.

– Почему сразу не десятикратное? Ведь вы только что сами сказали, что чем дольше…

– При двух, четырёх и шестикратном разбавлении время проявления прямо пропорционально разведению. Это уже подтверждено опытными работами, в том числе и моими, а вот дальше зависимость становится нелинейной и нам потребуется уйма времени, чтобы её определить.

– Добро, Вадим Антонович. – Валевский похлопал фотографа по плечу. – Я лишний раз убедился, что мы сделали правильный выбор, пригласив именно вас. Кстати, приспособление для вращения валов привезут сегодня вечером. Как только будут готовы негативы, можете приступать к изготовлению форм.

Валевский хотел было уйти, но Григорьев его остановил.

– Один вопрос, Казимир Борисович. Вы знакомы с принципом работы оборудования, на котором предполагаете печатать открытки.

– В общих чертах. А какое это имеет значение, тем более для вас?

– Самое прямое. Чтобы начать изготавливать формы, я должен знать, как в вашем оборудовании передаётся изображение на бумагу.

– Не совсем понимаю, зачем вам это нужно?

– Хорошо, я поясню на примере. При использовании хро-

молитографии изображение передаётся с формы непосредственно на бумагу. В этом случае рисунок на форме должен быть выполнен зеркально. Если для передачи изображения на бумагу используется промежуточное звено, то рисунок на форме должен быть прямым. Меня не интересует ваше оборудование, мне только нужно знать, какой стороной я должен положить негатив при экспонировании валов.

– Обещаю, Вадим Антонович, что я решу этот вопрос в ближайшие дни.

Идея Григорьева сработала, негатив, полученный при шестикратном увеличении времени проявления, по его мнению, уже соответствовал всем критериям. Молодой химик работал, как одержимый, проводя один эксперимент за другим. Неудачи только подстёгивали его, заставляя работать ещё более энергично и плодотворно. Несколько дней потребовалось, чтобы произвести цветоделение и получить три качественных негатива для печатных форм. Ещё неделя ушла на отработку технологии фототипии для цилиндрических форм, и в конце августа Валевский отбыл в Москву, проводить «ходовые» испытания. В его багаже, в специально изготовленном деревянном ящике, словно артиллерийские снаряды лежали, опираясь на цапфы, три медных цилиндра – формы для будущей рождественской открытки.

***

Вернулся Валевский через десять дней, с тяжёлым дорожным баулом в руках. Его лицо буквально светилось от сча-

стья. Причина столь радостного настроения выяснилась, как только он достал из кармана отпечатанные на новейшем оборудовании образцы. Результат испытаний превзошёл самые смелые ожидания – качество печати, чистота и яркость цветов, производили незабываемое впечатление. Английские и германские открытки, изготовленные методом хромолитографии, не шли ни в какое сравнение с этим великолепием. Столпившиеся вокруг Валевского работники, включая и двух горничных, разглядывали красочные открытки, как самое настоящее чудо.

– Господа, вы прекрасно поработали и заслужили отдых. – Казимир открыл стоявший на полу дорожный саквояж и все с удивлением увидели, что он был забит бутылками шампанского. – Вот, французское, самое лучшее, что смог достать. Через час прошу всех в столовую на банкет.

Горничные занялись подготовкой банкета, а Прокудин, Куницкий и Милик разошлись по своим комнатам. Григорьев, тоже собирался идти наверх, но Валевский остановил его.

– Господин Григорьев, буквально на два слова.

Они зашли в фотолабораторию, и Казимир плотно закрыл дверь.

– Мы довольны вашей работой Вадим Антонович. Вот ваш чек. Вы честно заработали свои деньги. Как только я пойму, что Куницкий сможет выполнять весь цикл работ самостоятельно, вы будете свободны.

– Куницкий уже в состоянии это делать. За время вашего отсутствия, мы изготовили комплекты негативов ещё для трёх рождественских открыток. Последнюю партию Ян делал самостоятельно. Он толковый работник.

– Прекрасно, завтра я всё посмотрю и лично переговорю с Куницким. Скоро прибудет багаж, пять деревянных ящиков, всего пятнадцать медных валов. Если три комплекта негативов уже готовы, то вам останется изготовить ещё два. Деньги можете получить хоть завтра, но думаю, будет справедливо, если вы немного задержитесь и поможете нам закончить изготовление этих пяти форм.

***

В начале октября работа была окончена. Григорьев одним из первых покинул дом, где безвылазно провёл целых два месяца и, наняв извозчика, поехал в Санкт-Петербургский коммерческий банк (6). Никаких проблем с получением денег не возникло, и он свободно перевёл две тысячи рублей на свой счёт в Московский купеческий банк. В приподнятом настроении Григорьев покинул помещение банка и направился вдоль Английской набережной к ближайшей бирже (7). Внезапно дорогу ему преградил высокий молодой человек. Григорьев сделал шаг в сторону и хотел его обойти, однако тот повторил манёвр и опять встал на его пути. Опешивший Вадим вдруг почувствовал, что сзади подошёл ещё один, и в спину упёрлось что-то твердое. Тут же рядом остановилась карета. Один из нападавших, тот, что стоял пе-

ред Вадимом, открыл дверцу и кивком головы приказал ему лезть внутрь.

– Не волнуйтесь, Вадим Антонович, никто не причинит вам вреда. – Сидевший у дальнего окна крупный мужчина в коричневом костюме показал на место рядом с собой. – Мы не грабители с большой дороги, а заказчики, причём, довольно щедрые.

Григорьев нехотя влез в карету и занял отведённое ему место, а «охранники» разместились напротив. Оружия в руках у них не было, что несколько успокоило изрядно разволновавшегося Вадима. Карета тронулась, но сквозь плотно зашторенные окна Вадим не видел, куда они едут.

– Вы получили заработанные деньги?

– Я перевёл их на свой счёт в один из московских банков, так что у меня на руках практически ничего нет. Только небольшая сумма на обратную дорогу и абсолютно бесполезная для вас квитанция.

– Зачем нам отбирать у вас деньги, которые мы сами вам заплатили? – Сидевший рядом господин усмехнулся. – Проще было вообще не платить.

– Тогда к чему весь этот спектакль?

– Это не спектакль, Вадим Антонович, это демонстрация взаимного доверия. Согласитесь, ведь наш договор о сотрудничестве был заключён на словах. Никаких гарантий не было ни с одной стороны. Вы качественно выполнили свою работу, мы честно с вами расплатились. Теперь, как я пони-

маю, мы можем полностью доверять друг другу. У нас есть ещё один заказ. Условия прежние, за единственным исключением. Мы не оговариваем срок вашей работы, чем быстрее управитесь, тем быстрее вернётесь к себе в Москву.

– У меня есть выбор?

– У вас выбор есть, господин Григорьев, сложность ситуации в том, что у нас выбора нет. Найти второго такого специалиста задача непростая, потребуется уйма времени, а дело не может ждать.

– Какие гарантии?

– Только наше честное слово. Вы ведь уже убедились, что нам можно доверять. Поверьте мне на слово, Вадим Антонович, нам нет никакого смысла вас убивать. Для нас вы не представляете никакой опасности и в тоже время можете пригодиться в будущем.

– Извините, как прикажите к вам обращаться?

– Друзья зовут меня Пётр Иванович.

– «Казимир называл своего собеседника Пётр Иванович» – как молния пронеслась в голове Вадима фраза Яна Куницкого. Карета внезапно остановилась и, открыв дверцу, Григорьев снова увидел дом, который покинул буквально час назад.

***

Примечания:

В 1873 году англичане Барджес и Кинг начали выпускать светочувствительную эмульсию в виде желе. Фотогра-

фу нужно было лишь расплавить эмульсию и нанести её на пластинку.

Водяная баня – способ нагрева продукта до температуры кипения воды, при которой он получает от жидкости тепловую энергию, но не контактирует с ней.

Основные цвета: красный, синий, жёлтый. Составные цвета: оранжевый (красный + жёлтый), зелёный (синий + жёлтый) и фиолетовый (синий + красный).

Цапфа – часть оси вала, опирающаяся на подшипник.

«Пётр Иванович» – одна из кличек Александра Дмитриевича Михайлова.

Санкт-Петербургский частный коммерческий банк – первый российский акционерный коммерческий банк, работавший с 1864 по 1917 годы.

Биржа – так в 19 веке называли стоянку извозчиков.

***

Глава 4. Кто не с нами, тот против нас. Петербург, октябрь 1879 года.

Директор почтового департамента Сергей Семёнович Перфильев пребывал в хорошем настроении. Назначенный недавно министром внутренних дел Российской империи Лев Савич Маков (1), остался доволен проделанной им работой и утвердил его кандидатуру на посту почт-директора. Обычно новый министр, стараясь показать своё рвение, решительно избавлялся от ставленников своего предшественника, но на этот раз Перфильеву повезло. Закрыв кабинет,

он достал из шкафа початую бутылку коньяка, налил щедрой рукой божественный напиток до краёв в хрустальный лафитник (2), и залпом выпил.

Усевшись в кресло, он уже через пять минут почувствовал, как живительная влага побежала по кровеносным сосудам, согревая нежным теплом разомлевшее тело. Закрыв глаза, Перфильев погрузился в сладкую полудрёму, из которой его вывел резкий стук. Поскольку дверь была закрыта изнутри, пришлось вставать. На пороге с виноватым видом топтался секретарь.

– Извините, ваше высокоблагородие, к вам господин Валевский по срочному делу.

Сколько ни старался, Перфильев не мог вспомнить никого с подобной фамилией. На память пришла только любовница Наполеона Мария Валевская.

– Кто такой? – Спросил он строгим тоном, продолжая интенсивную мыслительную деятельность.

– Владелец частной типографии. – Услужливо напомнил секретарь, подавая начальнику визитную карточку. – Я вам ещё утром докладывал.

– Хорошо, пусть войдёт. – Перфильев нехотя взял визитку. – Предупреди, чтобы уложился в десять минут, у меня много дел.

Директор едва успел вернуться на свое рабочее место, как на пороге появился высокий молодой человек. Новый темно-синий костюм-тройка безупречно сидел на его ладной

фигуре, вызвав невольную зависть директора почтового ведомства, страдавшего излишним весом и отдышкой.

– Валевский Казимир Борисович, – представился посетитель, – владелец частной типографии.

– Вы присаживайтесь, Казимир Борисович. – Окончательно проснувшийся Перфильев жестом указал на стул для посетителей. – По какому вопросу?

– Я изобрёл новый способ цветной печати и хочу предложить почтовому ведомству свои услуги.

– Вообще-то почтовое ведомство не нуждается в услугах частных типографий.

– «Всё течёт, всё изменяется», как некогда сказал древнегреческий философ Гераклит. То, что сегодня считается нормой, уважаемый Сергей Семёнович, завтра может безнадёжно устареть. Прогресс остановить невозможно, ваше высокоблагородие, и не считаться с этим фактом нельзя.

– Вы хотите сказать, что ваш способ цветной печати, это новое слово в современной полиграфии?

– Именно это я и хотел сказать.

– А зачем вы пришли в почтовое ведомство? – Недоуменно развёл руками Перфильев. – Получайте патент на своё изобретение и работайте на здоровье.

– Не всё так просто, уважаемый Сергей Семёнович. Для того чтобы работать мне нужны заказы.

– Ничего не понимаю. – Директор наморщил лоб и протер платком начинающую лысеть голову. – Какие заказы?

– Например, казённый подряд на печать открытых писем для почтового ведомства. По нашим сведениям ежегодная потребность в этих бумажках, как минимум сто миллионов экземпляров. Думаю, нетрудно сообразить, что при цене три копейки за штуку, общая сумма заказа составит кругленькую цифру в три миллиона рублей. Получив этот подряд, я смогу не только сам хорошо заработать, но и достойно отблагодарить своего покровителя.

– Ваши десять минут истекли, Казимир Борисович, прошу покинуть кабинет, у меня много работы.

– Не смею вас задерживать, ваше высокоблагородие. – Валевский встал и галантно поклонился. – У вас ещё есть время передумать.

– Каков нахал! – Мысленно возмутился Перфильев, когда за посетителем закрылась дверь. – Правда, мысль он подал дельную. Как я сам не догадался? Это же, какие деньжищи под ногами валяются!

Директор выглянул в приёмную и приказал секретарю никого не принимать. Закрыв дверь, он снова залез в шкаф и пропустил ещё один лафитник божественного напитка. Вернувшись в кресло, Перфильев с воодушевлением продолжил обдумывать понравившуюся ему идею. Сейчас открытые письма печатает Экспедиция заготовления государственных бумаг. По большому счёту казённой организации, каковой является Экспедиция, от этого заказа ни тепло, ни холодно, скорее наоборот – лишние хлопоты. Работы у них

и так выше головы – денежные знаки, облигации, почтовые марки, гербовые бумаги, да и мало ли там ещё всякой мелочи. Они даже рады будут избавиться от части работы. Нужно только грамотно обосновать это предложение, чтобы и комар носа не подточил. Найти типографию на этот заказ не составит большого труда, а можно и свою создать, естественно, на подставное лицо. Открывающаяся перспектива буквально окрылила Перфильева, чему в немалой степени способствовал и божественный напиток.

– Как грамотно я отшил этого наглеца. – Самодовольно подумал он, выпивая третий лафитник. – Будет знать, кому предлагать взятку.

Уже в приёмной секретарь слегка омрачил радужное настроение своему начальнику, сообщив, что сегодняшний гость записался на прием, на следующий день.

– Гнать этого козла в шею, чтобы не отвлекал занятых людей от дела. – Приказал Перфильев и отправился домой.

Он рассчитывал приехать прямо к ужину, поскольку после выпитого натощак коньяка у него разыгрался зверский аппетит, но оказалось, что жена с дочкой час назад отправились в кондитерскую покупать торт и до сих пор ещё не вернулись. Правда, ждать Перфильеву пришлось недолго – буквально через пятнадцать минут в раскрытые ворота въехала коляска и остановилась возле крыльца. К удивлению Сергея Семёновича из коляски вышел его недавний посетитель – Казимир Борисович Валевский и галантно подав руку, по-

мог сойти на землю его жене Валентине и младшей дочке Дашеньке.

–Serge! – Жена, поднявшись по ступенькам, поцеловала Перфильева в щёку. – Твой друг, господин Валевский любезно согласился подвести нас.

Жена с дочкой прошли в дом, а директор в недоумении уставился на владельца типографии.

– Как это понимать, господин Валевский? – Сжимая кулаки, зарычал Перфильев, спускаясь с крыльца. – Вы уже начинаете преследовать мою семью?

– Времена нынче смутные, Сергей Семёнович, мало ли что может случиться на улице с молодыми барышнями. – Спокойно парировал бурный натиск Перфильева Валевский. – Сами знаете, что от кинжала, а тем более от случайной револьверной пули никакая охрана не спасёт. Вспомните шефа Отдельного корпуса жандармов Мезенцева (3) или петербургского генерал-губернатора Трепова (4). Печально. А тут, еду мимо, вижу, идет по улице Валентина Аркадьевна с маленькой дочкой без всякого сопровождения. Непорядок! Вот, решил по доброте душевной помочь – подвёз до дома в целости и сохранности.

– Это угроза?

– Бог с вами, господин Перфильев, какая угроза, просто дружеское предупреждение, чтобы вы наглядно поняли, с кем имеете дело. – В голосе Валевского зазвучали металлические нотки. – Запомните, Сергей Семёнович, мы никогда

не тратим время на пустые разговоры и дешёвые угрозы. Кто не с нами, тот против нас! Завтра в девять утра я приду к вам на приём – обсудить детали нашего будущего сотрудничества, постарайтесь сделать так, чтобы мы стали друзьями.

Не дожидаясь ответа, Валевский развернулся, запрыгнул в коляску и тростью ткнул извозчика в спину.

– Пошёл!

– Самодовольный пижон! – Сквозь зубы произнес Перфильев вслед удалявшейся коляске. – Они, видите ли, не тратят время на угрозы. А сам чем сейчас занимался? Может обратиться в полицию? Нет, товарищи революционеры всё правильно рассчитали – никуда он не пойдёт, а завтра будет договариваться, точнее, торговаться, пытаясь урвать кусок пожирнее.

На удивление, нервное потрясение от встречи с Валевским, никак не повлияло на аппетит, и за ужином Перфильев наворачивал за троих, да и спал ночью, как убитый, не трясясь от страха и не терзаясь муками совести. Встал рано, однако бодрым и хорошо отдохнувшим. В своём кабинете он появился за полчаса до начала работы, чего не случалось уже лет пять. Опешивший от раннего визита начальника секретарь был ещё больше поражён странным на его взгляд приказанием – принести в кабинет новое мягкое кресло для посетителей и сразу же, доложить Перфильеву, когда придет господин Валевский, которого вчера сам же велел не пускать на порог.

Как и было оговорено, ровно в девять часов утра Валевский уже сидел в мягком удобном кресле напротив Перфильева и маленькими глотками пил ароматный горячий кофе, услужливо поданный секретарём.

– Итак, Сергей Семёнович, вижу, вы хорошо подумали и решали принять наше предложение. –Посетитель допил кофе, вытер губы салфеткой и внимательно посмотрел на Перфильева. – Похвальное решение.

– Пока мы ещё ни о чём не договорились, уважаемый Казимир Борисович. Сразу скажу, что получить весь заказ вы не сможете. Максимум, на что можно рассчитывать в первый год сотрудничества с казной, это десять процентов объёма, но даже для этого нужно предъявить веские аргументы.

– Здесь образцы нашей продукции. – Валевский подал собеседнику маленький альбом с открытками. – Вместо немаркированных бланков-формуляров, одна сторона которых предназначена для написания адреса, а вторая для краткого сообщения, мы предлагаем иллюстрированные открытки. Обратите внимание: на одной стороне будет цветное изображение, а оборотная сторона разделена на две равные части – правая сторона для адреса, а левая сторона для текста сообщения (5). Безликие ранее карточки становятся произведением полиграфического искусства. В качестве цветных изображений могут быть рождественские, пасхальные, святочные и любые другие картинки с соответствующими поздравительными текстами.

«Чёрт! – Думал про себя Перфильев, листая альбом и просматривая открытки. – Голова у этих господ революционеров хорошо соображает. Сейчас такие открытки наши оборотистые купцы привозят из-за границы, и продают по целковому за штуку. Поздравить родственников подобной открыткой, да еще с тисненой золотом готической надписью, считается особым шиком, поскольку ничего подобного в России нет».

– Печать качественная, краски яркие, насыщенные. – Резюмировал Перфильев, откладывая альбом в сторону. – Примите мои поздравления господин Валевский, разработанный вами метод дал превосходный результат. Если не секрет, какова производительность вашего оборудования?

– Скорость цилиндрической машины для цветной печати зависит от числа оборотов двигателя. Поскольку электричество делает в России лишь первые шаги (5), то пока мы работаем на ручном приводе и можем печатать максимум тысячу штук в час.

– Для того чтобы напечатать десять миллионов открыток, вам понадобится, как минимум три таких машины.

– Мы всё уже подсчитали, Сергей Семёнович, в типографии установлено четыре машины, так что беспокоится не о чём.

– Давайте будем реалистами, Казимир Борисович. Никто не будет рассматривать вариант с передачей вам части заказа на печать обычных трёхкопеечных бланков. Другое дело

цветные праздничные открытки, здесь есть о чём вести разговор. Ваша цена?

– Двадцать пять копеек за штуку.

– Годится. Для начала попробую пробить заказ на два миллиона открыток, если будет спрос, то через год почтовое ведомство сможет увеличить объём.

– Хорошо, будем считать, что мы договорились.

– Прекрасно, лично мне нравится ваше предложение, однако, моего одобрения и согласия недостаточно, нужно, чтобы Экспедиция заготовление государственных бумаг согласилась отдать вам эти два миллиона открыток, и чтобы кто-то из министерства финансов поддержал инициативу передачи заказа в частные руки.

– Вы уже прикинули к кому можно обратиться с этими проблемами.

– Да, у меня есть надежные связи в обоих ведомствах, но за простое спасибо там никто и пальцем не пошевелит. Нужно платить.

– Кому и сколько?

– Два человека, по десять тысяч рублей каждому.

– Это разовые выплаты или ежегодные?

– Платить придется каждый год при заключении нового заказа.

– Хорошо, только при одном условии. Они получат свою долю на следующий день после поступления денег на наш счёт в банке.

– Казна будет платить частями. Скорее всего, выплаты разобьют поквартально.

– В таком случае, мы заплатим сразу после получения первого транша. Сами понимаете, Сергей Семёнович, нам необходимо иметь какие-то гарантии.

– Хорошо. Думаю, на первый раз я смогу отсрочить выплаты, но в дальнейшем вам придётся платить сразу при заключении договора. Теперь обсудим мою долю.

– Ваше предложение.

– Десять тысяч с каждого транша.

– Это много, господин Перфильев. Мы дадим вам половину – пять тысяч с каждого транша, при условии, что вы обеспечите бесперебойное поступление денег на наш счёт. Кроме того, сразу оговорим, что с увеличением объёма заказа, прямо пропорционально увеличится и ваша доля.

***

Валевский не был ни князем, ни графом, более того, он вообще не был шляхтичем. Всего лишь третий сын зажиточного крестьянина из села Валево Ленчицкого повету (6). Смышлёного мальчика приметил местный ксёндз, обучавший крестьянских детей. Он помог устроить Казимира в Варшавскую реальную гимназию, а после её окончания, уговорил его поступить в Санкт-Петербургский технологический институт. В стенах института Казимир Валевский познакомился с молодым Александром Михайловым, оба принимали участие в студенческом движении (7). Если Михай-

лов за свою деятельность был исключен из института и выслан на Родину в Путивль (8), то Валевский покаялся, списав всё свои прегрешения на молодость и глупость, был прощён и успешно закончил высшее учебное заведение, став дипломированным инженером-химиком. Правда, семья так и не дождалась возвращения блудного сына в родное село. Повзрослевший Казимир никак не мог расстаться с пьянящим ароматом свободы и соблазнами большого города. Выяснилось, что рожденный в глухой польской провинции мальчик по натуре оказался законченным авантюристом. Сначала он связался с анархистами, пропагандировавшими абсолютную свободу личности, развитие всех способностей человека и независимость его воли от воли других (9). Затем, запутавшись в идеологических хитросплетениях, бросил это неблагодарное занятие и примкнул к аферистам. У тех всё было просто и понятно: либо ты обманешь, либо обманут тебя. Азартные игры, поддельные векселя, фальшивые драгоценности и чего греха таить банальный шантаж, несколько лет составляли главную статью доходов молодого инженера. На жизнь хватало, но по-настоящему разбогатеть не удалось. Правда, несколько раз его забирали в полицию, но по мелочам, поэтому отделывался лишь незначительным штрафом или взяткой.

Валевский не разделял политических взглядов Михайлова, он вообще не понимал смысла в политической борьбе, а тем более в жертвах ради какой-то идеи, однако это не меша-

ло бывшим однокашникам поддерживать дружеские отношения. К предложению Михайлова заняться типографской деятельностью Валевский вначале отнёсся скептически, однако, познакомившись с проектом и вникнув в детали, согласился. Первоначально он планировал самостоятельно разработать технологию изготовления цилиндрических форм, как-никак инженер-химик, но очень скоро понял, что для человека без практического опыта, это непосильная задача. Пришлось набирать команду. Вращаясь не один год в криминальных кругах, Валевский был знаком со многими специалистами, подвизавшимися на ниве производства всевозможных фальшивок, что облегчало ему подбор кадров. Художника, типографа и фототиписта он нашёл быстро, а вот с фотографом возникла небольшая заминка, пока кто-то (он уже не помнил, кто именно) не упомянул в разговоре фамилию московского фотографа Вадима Григорьева. Наведя справки, Валевский сразу понял, что лучшей кандидатуры ему не найти, не поскупился на размер гонорара и как оказалось, не прогадал. Главное было запустить оборудование, а уж уломать главу почтового ведомства для Казимира с его-то богатым опытом в сфере шантажа и вымогательства не представляло большой проблемы.

Через полчаса Валевский был уже на конспиративной квартире, где его с нетерпением поджидал Михайлов.

– Какие новости?

– Всё уладил, на следующей неделе Перфильев обещал

утрясти организационные вопросы и, надеюсь, что уже до декабря подпишем договор. Остановились на цветных праздничных открытках по цене двадцать пять копеек за штуку. Пока речь идет об изготовлении только двух миллионов экземпляров, но, если всё пройдет гладко и будет спрос, то через год объём может существенно возрасти.

– Сколько вы сможете перечислить в партийную кассу?

– Первый год не более пятидесяти тысяч рублей. Поскольку казна будет рассчитываться с нами ежеквартально, то первые два транша уйдут на взятки и производственные расходы. Свободные деньги появятся в лучшем случае в ноябре. Государство будет финансировать террористов! Это ты здорово придумал.

– Что с типографией?

– Купил в Москве двухэтажный дом на Большой Дорогомиловской улице, сейчас там полным ходом идут ремонтные работы. Думаю, через месяц сможем начать работать. Первое время, пока не согласовали заказ, будем нелегально печатать рождественские открытки для реализации мелким оптом. Как и договаривались, двадцать пять процентов от выручки я передам в партийную кассу.

После ухода Валевского Михайлов стал, срочно готовится к отъезду в Москву. В конце августа 1879 года Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор императору Александру II (10). Решено было не откладывать исполнение приговора и взорвать царский поезд на

пути из Крыма в Петербург. Для акции удалось подготовить семь пудов взрывчатки. Надёжный взрыватель, не дававший осечек даже в холодное время года, как и схему подрыва с использованием гальванической батареи Грене (11) и катушки Румкорфа (12), разработал Николай Кибальчич (13). Для исполнения приговора было решено использовать три боевые группы. Первую мину (два пуда взрывчатки) заложили у станции Гниляково в четырнадцати верстах от Одессы, вторую (три пуда взрывчатки) под Александровском (14). Третья группа располагалась в Москве в трёх километрах от Курского вокзала и была в резерве на тот случай, если первые два покушения провалятся (15). Михайлов уже знал, что акция под Одессой не состоялась из-за изменения маршрута поезда. Оставалась ещё надежда на группу Желябова под Александровском, но для страховки нужно было срочно начать закладку мины возле Курского вокзала у Рогожской заставы. Именно туда и спешил Александр Михайлов, чтобы лично руководить подготовкой акции.

***

Примечания:

Маков Лев Савич (1830 – 1883) – русский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1878 – 1880), действительный статский советник (1880).

Лафитник – хрустальный или стеклянный бокал с гранёными стенками и толстой ножкой.

Мезенцев Николай Владимирович (1827 – 1878) – воен-

ный и государственный деятель Российской империи. Генерал-лейтенант (1873), генерал-адъютант (1871), шеф Отдельного корпуса жандармов и главный начальник Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. Средь бела дня 4 августа 1878 года на площади Михайловского дворца народоволец Кравчинский С.М. заколок кинжалом Мезенцева и, вскочив в поджидавшую его пролетку, скрылся.

Трепов Фёдор Фёдорович (1812 – 1889) – русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878). В январе 1878 года на приём к Трепову пришла вера Засулич и выстрелила в него из револьвера. Это была месть за применение телесных наказаний в тюрьме к одному из арестованных народников – Боголюбову А.С.. Ранение оказалось не смертельным, а суд присяжных оправдал Веру Засулич.

Первая электростанция работающая на постоянном токе была открыта в 1879 году в Санкт-Петербурге.

Ленчицкий повет (район) в Польше, входит как административная единица в Лодзинское воеводство. Центр повета город Ленчица.

Студенческое движение – деятельность студентов по проведению политических, экологических, экономических и социальных реформ.

Исторический факт.

Михаил Александрович Бакунин.

Исторический факт.

Гальваническая батарея Грене – простейший химический источник тока. Состоит из двух электродов – цинкового и угольного, погружённых в водный раствор серной кислоты (16%) и бихромата калия (12%). Основное достоинство этого гальванического элемента в том, что при выводе из раствора цинкового электрода он мог, находится в режиме «ожидания» неограниченное время.

Катушка Румкорфа (индукционная катушка) – устройство для получения импульсов высокого напряжения.-

Кибальчич Николай Иванович (1853 – 1881) – российский революционер, народоволец, изобретатель.

Александровск – сейчас Запорожье.

Все три покушения не удались. Царский поезд в последний момент изменил маршрут и не прошёл через станцию Гниляково, где его ждали. Под Александровском мина не сработала. Позднее выяснилось, что Желябов перепутал подсоединение проводов к катушке. Последнее третье покушение было удачным только в том смысле, что мина всё-таки взорвалась. Террористы получили известие, что царь едет во втором поезде в четвертом вагоне, но в пути царский и свитский поезда поменяли местами, о чём они не знали. В результат е взорвали свитский поезд. Вагоны сошли с рельс, но никто не пострадал.

***

Глава 5. Необычное дело. Москва, 10 июня 1780 года, четверг.

Судебный следователь Московского окружного суда Нил Спиридонович Дымов стоял возле раскрытого окна своего кабинета и нервно курил. Несмотря на прекрасную летнюю погоду, настроение было скверное. Пятнадцать лет назад он с отличием окончил Императорское училище правоведения (1), получив при выпуске чин коллежского секретаря (2), и казалось, что впереди его ждёт блестящая карьера, однако, вместо канцелярии Министерства юстиции или Сената, его распределили в захолустный Смоленский окружной суд. Там он проторчал целых шесть лет, занимая незначительные должности, вроде секретаря уголовного департамента или губернского стряпчего. Так бы и пропал молодой Дымов в российской глубинке, однако, ему повезло жениться на единственной дочери богатого смоленского купца, который используя свои связи, а главное деньги, добился перевода зятя в Москву. Правда, выдающейся карьеры ему сделать не удалось и к тридцати пяти годам, он был всего лишь судебным следователем (3) при Московском окружном суде. С одной стороны вроде и неплохо, чин коллежского советника (4), приличный оклад, жизнь не где-то на отшибе, а в самом центре империи, однако, не совсем то, о чём мечтал пятнадцать лет назад выпускник Императорского училища правоведения. Выпускники этого статусного учебного заведения становились сенаторами, министрами, советниками монарха, известными юристами, а он застрял где-то посередине без всяких перспектив в будущем. Самое страшное заключалось

в том, что он ненавидел свою работу. За прошедшие годы ни одного серьезного расследования он не провёл, сплошная рутина вроде убийств на бытовой почве, поддельных завещаний и векселей, или мелких краж денег, ценных бумаг и драгоценностей. Ничего, что привлекло бы внимание общественности (а то и самого царя) к его персоне, абсолютно никаких шансов, чтобы отличиться.

И вот, неделю назад на окраине Москвы в лесу, недалеко от дачного посёлка Кунцево, один из проживавших там художников направляясь на пленэр рисовать пейзажи, обнаружил среди сосен разрытое собаками свежее захоронение, из которого прибывшая на место полиция извлекла три мужских трупа. Судя по многочисленным гематомам, жертвы были сильно избиты – похоже, что их пытали, однако, причиной смерти во всех трёх случаях была большая доза морфия. По жестокости это преступление напоминало «работу» хитровских грабителей, вот только те никогда не использовали морфий в целях убийства.

Поскольку труппы обнаружили на участке, который был закреплен за Дымовым, то и следствие по делу поручили именно ему, хотя по закону умышленным убийством трёх человек должен был заниматься судебный следователь по особо важным делам Самойлов, но не будешь же спорить с председателем суда. Получив материалы дознания, Дымов, первым делом наведался в морг, располагавшийся в подвале сыскной части города Москвы, и осмотрел трупы.

Молодые мужчины в возрасте двадцать пять – тридцать лет, одеты как мастеровые, что плохо сочеталось с версией ограбления, а тем паче с пытками. Смерть наступила не более двух дней назад, но в Кунцево их лишь захоронили, а пытали и убивали в другом месте. Эту версию подтверждало и обследование близлежащей территории – никаких следов борьбы и крови – только колея от колес телеги и отпечатки лошадиных копыт. Следов обуви тоже не было, учитывая мягкую подстилку из опавшей хвои и старых шишек. Досмотр личной одежды мало что дал. Ни документов, ни каких-либо бумаг, позволяющих установить личности убитых, обнаружено не было. Уже при проведении вскрытия в потайном кармане пиджака одного из убитых нашли несколько ассигнаций на общую сумму в тридцать восемь рублей. Впрочем, наличие потайного кармана ни о чём не говорило, поскольку многие старались прятать свои кровные деньги как можно дальше.

– Я читал ваше заключение Артур Аристархович, – обратился Дымов к стоявшему рядом патологоанатому, молодому худощавому человеку высокого роста, – за прошедшие два дня ничего нового не появилось?

– Кое-что есть, Нил Спиридонович. Судя по следам от веревок, убитые какое-то время были связаны, а на одежде и руках у всех обнаружены пятна типографской краски. Следы краски есть и под ногтями убитых. Скорее всего, все трое работники типографии.

Поблагодарив полицейского врача, Дымов поднялся на второй этаж, где в кабинете №25 сидели чиновники сыскной полиции. Ему повезло, Григорий Иванович Макаров, проводивший дознание по делу о тройном убийстве был на месте.

– Я почему-то так и подумал, Нил Спиридонович, что пришлют именно вас. – Макаров привстал из-за стола, и почтительно пожал руку Дымову. – Сразу скажу, дело тёмное. Это не разбой и не ограбление.

– Почему вы так решили, Григорий Иванович?

– Убитые простые работяги, а учитывая обнаруженную нашим Эскулапом (5) типографскую краску, вероятнее всего типографские рабочие. Зачем устраивать налет на типографию, чем там можно поживиться?

– А за последнее время выявлено хоть одно нападение на какую-нибудь типографию?

– Нет! Правда, это ничего не значит. У нас подпольных типографий развелось как блох на барбоске. Сами понимаете, что в полицию господа революционеры обращаться не будут.

– Вы упускаете одно важное обстоятельство, Григорий Иванович – все подпольные типографии, как правило, арендуют помещения у добропорядочных граждан, а те, заметив неладное, сразу побегут в полицию.

– Возможно. – Не стал спорить сыщик. – Только времени прошло не так много, может, ещё не хватились.

– А заявления о пропавших проверяли?

– Было несколько случаев. Мы распечатали фотографии убитых, так что нет необходимости водить людей в морг, но пока никто не опознал. Может в газете пропечатать?

– С газетой пока подождем. Покажите мне ассигнации, найденные у одного из убитых.

– Они у меня здесь. – Макаров раскрыл папку и достал из неё четыре купюры: одну, сиреневую, достоинством двадцать пять рублей, две синие пятерки и зеленую трёшку.

Внимание Дымова сразу привлекла новенькая двадцатипятирублёвая ассигнация, которая выглядела неким инородным телом среди засаленных и потускневших от времени банкнот.

– Я тоже обратил на неё внимание. – Сказал Макаров, перехватив взгляд судебного следователя. – Специально ходил в коммерческий банк, кассир проверил, сказал, что ассигнация настоящая.

Дымов пододвинул сиреневую купюру к себе, достал из кармана складную лупу и внимательно рассмотрел лицевую и обратную сторону ассигнации. Никакого искажения в написании букв не было (6), качество бумаги соответствовало, водяные знаки были на месте (7), тона яркие сочные (8), орнамент (9) и текст отпечатаны чётко (10).

Следователь написал расписку, забрал купюры и, расставшись с Макаровым, поехал на Ильинку в «Московский купеческий банк» (11). Его тесть был одним из пайщиков этого банка благодаря чему, Дымова там хорошо знали. Он по-

дошел к ближайшему свободному кассиру и попросил разменять двадцать пять рублей пятёрками, подавая ему ассигнацию, найденную в потайном кармане одного из убитых. Кассир, проверив купюру, отложил её в сторону и отсчитал следователю пять пятирублевых банкнот. Дымов извинился, сказал, что передумал менять, забрал назад ассигнацию и, провожаемый недоумёнными взглядами работников банка проследовал в кабинет главного кассира Берга

– Витольд Карлович, – устроившись в мягком кресле напротив главного кассира, Дымов положил перед Бергом двадцатипятирублевую ассигнацию, – не могли бы вы провести экспертизу.

– Вы сомневаетесь в её подлинности, Нил Спиридонович?

– Ассигнацию уже проверяли в коммерческом банке и один из ваших кассиров. – Дымов развел руками. – Ничего подозрительного не нашли.

– Если два банка независимо друг от друга подтвердили подлинность банкноты, значит она настоящая. Может лучше коньячку?

– Спасибо, Витольд Карлович, как-нибудь в другой раз, сейчас я на службе.

– Так эта ассигнация имеет какое-то отношение к рассматриваемому вами делу?

– Её нашли в кармане одного из убитых.

– Выходит, что убитых было несколько?

– Трое.

– Кунцево?

– От вас ничего не скроешь.

– В Москве слухи быстро распространяются, да и газеты иногда читаем. – Главный кассир придвинул к себе ассигнацию, просмотрел на свет водяные знаки и, достав из ящика мощную лупу, занялся её изучением.

Через пять минут он отложил лупу и дёрнул за сонетку звонка. Буквально тут же дверь кабинета бесшумно распахнулась, и на пороге застыл один из служащих.

– Найдите на кассе двадцатипятирублевую ассигнацию серии АБ 1876 года выпуска, и принесите мне.

Служащий исчез также тихо, как и появился.

– У вас возникли какие-то сомнения, Витольд Карлович? Я проверял, все надписи и гильоширные розетки (12) пропечатаны чётко.

– Вот, сейчас мы и сравним.

Когда принесли купюру, Берг жестом показал служащему, что тот может идти, а сам, схватив лупу, принялся сравнивать ассигнации. Дымов, не ожидавший от собеседника такой реакции, подался вперёд, пытаясь по выражению лица главного кассира понять, что вообще происходит. Прошли томительные десять минут, прежде чем Берг отложил лупу и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

– Ваша, правда, Нил Спиридонович, все элементы пропечатаны чётко, я бы даже сказал, слишком чётко.

– Выходит фальшивка?

– Я не эксперт и не могу делать подобных выводов. – Тактично ушёл от прямого ответа Берг. – Для изготовления ассигнаций образца 1866 года впервые была применена металлографическая печать, а вот эта банкнота, по моему личному мнению, изготовлена по другой технологии.

– Может быть, в Экспедиции заготовления государственных бумаг применили новую технологию (13)?

– Исключать такой вариант нельзя, однако, десятирублёвые ассигнации, выпущенные в этом году, были изготовлены прежним металлографическим способом. Не забывайте, последняя эмиссия двадцатипятирублёвых ассигнаций была проведена в далёком 1876 году, после чего их вообще перестали печатать. Будь принято решение возобновить выпуск, мы бы узнали об этом одними из первых.

– Может быть, вы слишком сгущаете краски, Витольд Карлович, как то не верится, что наши кустари смогли «на коленке» создать нечто подобное.

– Наша беда в том, уважаемый Нил Спиридонович, что мы слишком низко оцениваем потенциал русского человека, а точнее вообще не замечаем. Вспомните Андрея Константиновича Нартова (14), сподвижника Петра I. Его выдающийся труд, где были представлены чертежи тридцати оригинальных станков для работы по металлу, многие из которых в то время не имели аналогов в Европе, оказался никому не нужен и сгинул где-то в недрах придворной библиотеки (15). Или возьмите Ивана Петровича Кулибина. Сколько выдаю-

щихся проектов, от уникальных карманных часов до арочного моста через Неву, механической повозки с педальным приводом и речного судна с водяным двигателем, способного двигаться против течения. А результат? Создали только винтовой лифт во дворце, чтобы поднимать задницу Екатерины II на галерею второго этажа (16)! При должном отношении труды только этих двух изобретателей могли обеспечить небывалый подъём российской промышленности в XVIII – XIX веках, но не судьба. Если уж люди, близкие к трону не могли внедрить свои изобретения, то, что говорить о простых смертных. Результат подобного отношения перед вами – Берг показал на лежавшую поверх зеленого сукна новенькую купюру. – Если бы человек, создавший эту технологию, четко знал, что государство по достоинству оценит его труд, он бы не стал заниматься изготовлением фальшивых ассигнаций. Ещё раз повторюсь, я не эксперт и высказал лишь своё личное мнение. Вам нужно получить заключение Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Покинув помещение Московского купеческого банка, Дымов пошел по Ильинке в направлении Кремля. Небо затянуло тучами и начал моросить мелкий дождь, но поблизости, как назло не было ни одного извозчика. Остановившись на пересечении Ильинки и Никольского переулка, Дымов достал папиросы и…

Очнувшись, Дымов никак не мог сообразить, где находится и что с ним произошло. Он лежал на спине, устремив

взгляд в тёмно-серое небо, а сверху на него изливались потоки воды – моросящий дождь перешёл в настоящий ливень. С большим трудом ему удалось приподняться и принять сидячее положение. Его тут же вырвало. Голова раскалывалась, перед глазами всё плыло, вдобавок, он насквозь промок и его бил озноб. Дымов не помнил, как долго он так сидел, пока к нему не подошёл дворник. Дальнейшее было как в тумане – появился городовой, затем его куда-то несли на носилках и наконец, сухое помещение, чистая постель, долгожданное тепло и спасительный сон.

Проснулся он утром на жёстком ложе, укрытый двумя старыми одеялами. Где-то рядом раздавался громкий храп, видимо и послуживший причиной пробуждения. Дымов чуть повернул голову, но тут же почувствовал резкую боль в затылке и на глаза навернулись слёзы. Стараясь не делать резких движений, он осмотрелся. Сквозь грязные стекла двух маленьких окон пробивались первые лучи утреннего солнца, освещая убогую комнатушку, в которой стояли полдюжины грубо сколоченных деревянных нар, на одной из которых лежал мужик и противно храпел. Из-под одеяла была видна только голова с широко раскрытым ртом и всклоченной бородой.

– Как я здесь оказался? – Мысленно сам себя спросил Дымов.

Постепенно память начала возвращаться: дело о тройном убийстве, следственная часть, новые двадцатипятирублевые

банкноты, купеческий банк, дождь… На этом воспоминания обрывались, и Дымов вдруг с ужасом осознал, что лежит под одеялами абсолютно голый!

– Где одежда? Где деньги? Где папка с материалами дела? – Заволновался он, оглядываясь по сторонам.

В это время дверь со скрипом отворилась, и в помещение вошел мужчина, в котором Дымов узнал чиновника сыскной полиции Макарова.

– Очнулись, Нил Спиридонович? – Обратился он к Дымову, усаживаясь на соседние пустующие нары. – Как ваша голова?

– Где это я, Григорий Иванович?

– В приемном покое Городской полицейской части. Вас нашли вчера вечером во дворе одного из домов в Никольском переулке и перенесли сюда, благо здесь совсем рядом. Городовой Никишкин узнал вас и сразу сообщил нам в следственную часть. Я осмотрел место, где вас нашли, но, сами понимаете, дождь смыл все следы.

– Я остановился на перекрестке Ильинки и Никольского проспекта, чтобы закурить, а дальше ничего не помню.

– Там вас оглушили, занесли во двор ближайшего дома и вывернули карманы.

– Чёрт! – Беззлобно выругался Дымов. – Следователя по уголовным делам ограбили среди бела дня в центре Москвы!

– Ну, ни среди бела дня, а вечером в дождливую погоду. Что вы удивляетесь, Нил Спиридонович? Третьего дня изна-

силовали служанку, отправившуюся утром на рынок, прямо во дворе хозяйского дома в дровяном сарае и никто ничего не видел.

– Жена знает?

– Врач осмотрел вас и запретил куда-либо перевозить. Вы не волнуйтесь, домой и на службу мы уже сообщили. Жена приезжала, привезла одежду и хотела остаться, но врач объяснил ей, что в этом нет никакой необходимости. Обещала сегодня вас навестить.

– Те ассигнации, что я забрал у вас тоже пропали?

– Извините, Нил Спиридонович, но вас обобрали дочиста. Часы, бумажник, кожаная папка с документами и даже ботинки – всё исчезло. Насчет материалов кунцевского дела не волнуйтесь, всё восстановим.

– И ассигнации тоже восстановите?

– Деньги, конечно жалко, однако для следствия они не имеют большого значения. – Макаров улыбнулся, желая подбодрить раненого. – Беспокоиться не о чем, никто из убитых не предъявит вам иск за эту потерю. Мне нужно подробно описать всё, что у вас пропало, может, случайно и отыщется, но это может подождать. Пока отдыхайте, скоро придет доктор, а мне пора на службу.

По понятным причинам Дымов не стал рассказывать Макарову о своём посещении Московского купеческого банка, но как быть с председателем суда? Не исключено, что Берг ошибся, ведь другие кассиры не обнаружили подделки? До-

кладывать Рейнбергу о фальшивых ассигнациях или нет?

***

Именно эту дилемму и решал судебный следователь Дымов, стоя утром 10 июня у раскрытого окна своего кабинета. Докурив очередную папиросу, он бросил её в пепельницу и, взяв папку с документами, решительным шагом направился в приёмную председателя суда.

– То, что вы мне сообщили, Нил Спиридонович, действительно важно, однако я не нахожу в ваших действиях никаких нарушений. – Успокоил Дымова Рейнберг. – Скорее, наоборот, благодаря вашей настойчивости и принципиальности мы имеем информацию о возможном появлении на внутреннем рынке поддельных ассигнаций высокого качества. Так что ваше заявление о несоответствии, по «третьему пункту» (14), я не могу подписать. Вы продолжите это дело, и если ваши предположения подтвердятся, я буду хлопотать о поощрении.

– Но я потерял главную улику.

– Это вам только так кажется, Нил Спиридонович. Для чего печатают фальшивые ассигнации? Правильно, чтобы их тратить! Наверняка эти фальшивки уже наводнили Москву. Нужно пройтись по банкам и крупным магазинам, но только тихо, чтобы не создавать паники. Возьмите с собой людей и приступайте, все необходимые вам бумаги будут готовы через полчаса. Начать можете с «Московского купеческого банка».

– Но Берг предупредил, что отличить фальшивку от настоящей ассигнации по внешнему виду практически невозможно.

– И не нужно. Просто изымите все новенькие двадцатипятирублёвые ассигнации 1876 года выпуска. Сколько найдёте, все отправим в Петербург, пусть там разбираются. И ничего не бойтесь, я лично за всё отвечу перед императором. Запомните одну простую вещь: хуже всего работает тот, кто боится потерять своё место. Я не боюсь! Мне глубоко плевать, что в случае неудачи меня назовут паникёром и перестраховщиком. По мне, лучше лишний раз перестраховаться, чем потом оказаться по уши в дерьме. Вы догадываетесь, к чему может привести появление на внутреннем рынке фальшивых ассигнаций такого качества?

– К инфляции, а в худшем варианте к полному краху финансовой системы государства.

– Вот! Так что идите, работайте.

***

В результате ревизии в четырех банках Москвы было изъято двенадцать новеньких четвертных билетов серии АБ выпуска 1876 года, и вечерним поездом, фельдъегерь с двумя охранниками выехал в Петербург. В кожаном портфеле с надёжными замками лежал рапорт действительного тайного советника (18) Рейнберга на имя министра внутренних дел Макова и тоненькая пачка хрустящих ассигнаций.

***

Примечания:

Императорское училище правоведения – одно из наиболее престижных высших учебных заведений дореволюционной России.

Коллежский секретарь – чин X класса в табели о рангах (штабс-капитан).

Судебный следователь – должностное лицо являющиеся представителем судебной власти. Производили следствие по преступлениям относящимся к ведению судов.

Коллежский советник – чин VI класса в табели орангах (полковник).

Эскулап – в древнегреческой мифологии бог врачевания, в переносном смысле – врач.

На поддельных купюрах в словах «государственной» и «ходячею» в букве «Д» левая нижняя ножка оказывалась меньшего размера, чем правая, на настоящих – они были одинаковые.

Поддельные билеты выполняли на простой бумаге без водяного знака.

На подделках тона краски были бледнее, переходы от одного цвета к другому заметнее.

Листовые и завитковые орнаменты на поддельных купюрах были исполнены грубо.

Текст на лицевой и оборотной стороне подделок не отличался чистотой и отчётливостью, которыми характеризовалась печать настоящих билетов.

Московский купеческий банк – московский паевой коммерческий банк. Основан в 1866 году для кредитования текстильных фирм.

Гильоширная розетка – один из распространённых элементов рисунка банкнот. Представляет собой сложную рамку из переплетающихся линий с помещёнными внутрь, надписью, рисунком или цифрой.

Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ) – организация, которая в Российской империи в XIX веке занималась печатью бумажных денежных знаков, облигаций, гербовой бумаги и другой защищённой продукции.

Нартов Андрей Константинович (1693 – 1756) – русский учёный, механик и скульптор, статский советник, член Академии наук (1723 – 1756).

Исторический факт. Рукопись подготовлена к печати сыном Андрея Константиновича Нартова Андреем Андреевичем и передана Екатерине II. Почти двести лет она пролежала в библиотеке и была обнаружена лишь в 1952 году.

Исторический факт. Лифт был установлен в Зимнем дворце в 1793 году. Практически ничего из изобретений Кулибина не было реализовано.

Закон от 7 ноября 1850 года в «третьем пункте» которого сказано, что за поступки, несовместимые со служебным долгом и политическую неблагонадежность, чиновника можно было уволить даже в том случае, если его вина «не доказана фактами».

Действительный тайный советник – чин II класса в табели о рангах (генерал).

***

Глава 6. Пустой дом на Смоленской дороге. Москва, 6 июня 1880 года, воскресенье.

Начальник розыскного отдела МГЖУ (1) майор Лаврентьев Сергей Павлович просматривал сводку происшествий за прошедшие сутки. Его внимание привлекло обнаружение могильника рядом с дачным посёлком Кунцево. Он отметил сообщение и перешёл к сводке наружных наблюдений. На вчерашнее число под наблюдением числилось пять подозрительных адресов – предположительно явочные квартиры, подпольные мастерские или типографии революционеров. Из докладов филёров следовало, что два адреса можно смело вычеркнуть – приезжие, не вызвав подозрений, и закончив свои дела, покинули Москву. Еще два адреса – сапожная мастерская в районе трех вокзалов и фотоателье на Лубянке похоже служили почтовыми ящиками для связи между членами какой-то революционной организации, но пока ничего конкретного выяснить не удалось. Пятый адрес – частный дом на Смоленской дороге, принадлежавший мещанке Поповой и располагавшийся сразу за Дорогомиловской заставой, вызывал наибольший интерес начальника розыскного отдела. По документам, жильцами числились супруги Колесниковы, приехавшие в Москву на заработки из Ярославской губернии, однако, хозяйка по фотографиям опознала

женщину – Якимова Анна Васильевна, среди революционеров больше известная как «Баска» – ярая сторонница террора. Два дня назад Лаврентьев приказал установить наружное наблюдение, однако, за это время в доме не было замечено вообще никакого движения, даже кухонную плиту никто ни разу не топил, что сильно озадачило майора. А тут ещё этот странный могильник в нескольких верстах от подозрительного дома.

– Прикажите подготовить коляску и шесть человек сопровождения с оружием. – Передал он дежурному. – Я только переоденусь и сразу спущусь вниз.

Через пятнадцать минут Лаврентьев, сменивший мундир на свитский костюм, в сопровождении шести конных жандармов уже ехал в сторону западной окраины Москвы. По пути захватили с собой и хозяйку дома Попову.

– Наталья Владимировна, – обратился к сидевшей рядом Поповой Лаврентьев, – сейчас мы с вами проведаем ваших постояльцев.

– Зачем? Ведь они заплатили за два месяца вперед?

– Так нужно. Скажите, что заехали проверить, как они содержат ваш дом. Имеете полное право. Я пойду с вами, так что бояться вам нечего.

– Они знают, что я вдова, а для поклонника вы слишком молоды.

– Неважно, представите меня как своего младшего брата.

Как и было оговорено, коляска свернула к дому и оста-

новилась, а следовавшая на некотором отдалении кавалькада жандармов проехала мимо и расположилась неподалеку в лесной полосе. Сидевший на козлах переодетый в гражданское платье помощник Лаврентьева ротмистр Зубов подал Поповой руку и помог ей выйти из коляски. Поднявшись по ступенькам крыльца, она так дернула сонетку, что даже стоявший поодаль Зубов ясно расслышал резкий звон колокольчика. Однако дверь никто не открыл, и в доме неслышно было никакого движения. Лаврентьев кивком головы попросил Попову повторить попытку, но и она осталась без ответа. Тогда он дернул за ручку и дверь, противно скрипнув, медленно отворилась.

Жестом, остановив хозяйку, Лаврентьев вытащил револьвер и первым вошёл в дом. Он оказался в полутемном коридоре. Первая комната справа, куда он заглянул – кухня, здесь всё было на своих местах, зато комната слева представляла собой жалкое зрелище – створки шкафа раскрыты, а ящики письменного стола сброшены на пол. Следы подобного вандализма носили и оставшиеся две комнаты, одна из которых была спальней, а вторая, судя по мебели, кабинетом.

Лаврентьев убрал револьвер и вышел на крыльцо. Жандармы уже подъехали и, спешившись, курили в сторонке. Осмотр дома и хозяйственных построек не дал никаких результатов. По показаниям Поповой вещей в доме не было, только постельные принадлежности, да смена белья. Единственный ущерб – наведённый в комнатах беспорядок. По-

хоже, что постояльцы в спешке покинули дом и возвращаться явно не собирались.

«Мне здесь больше делать нечего». – С грустью подумал начальник розыскного отдела, усаживаясь на садовую скамейку и закуривая. – «Сколько трудов и всё впустую. Остается только признать поражение и закрыть дело, а тут были свои сложности. Он сам, не далее, как месяц назад доложил начальнику МГЖУ полковнику Климову о том, что, наконец, напал на след тайной организации «Свобода или смерть» и публично обещал, что аресты не за горами. Дурак! Зачем было спешить, сейчас бы тихо всё свернул, как будто ничего и не было – ошиблись, бывает, Теперь придется подключать следственный отдел. Таковы правила – нужно заключение, о том, для каких конкретно целей террористы снимали этот дом».

Лаврентьев оставил двух жандармов сторожить дом до приезда следователя, а всем остальным приказал возвращаться в управление.

***

Начальник следственного отдела МГЖУ ротмистр Харитонов недолюбливал Лаврентьева, считая его выскочкой и карьеристом, но отказать в просьбе коллеге не мог. Просьба была простой: бегло осмотреть дом и написать заключение, что никаких следов подпольной лаборатории бомбистов не обнаружено, а хозяйка ошиблась, приняв неизвестную женщину за злостную террористку. Правда, под рукой у Хари-

тонова свободным оказался только поручик Уваров, известный своим основательным подходом к каждому порученному делу, а ему плевать с высокой колокольни на все просьбы и приказы. На первом месте у него стояла истина, до которой он всегда хотел докопаться. Поскольку абсолютной истины, как известно, не существует, то и результаты работы означенного поручика оставляли желать лучшего.

Поручик Петр Семенович Уваров – представитель древнего дворянского рода, был единственным наследником героя Крымской войны, полковника Семена Петровича Уварова. Ещё с юности, начитавшись произведений Эдгара По, он буквально бредил работой следователя. Окончив юнкерское училище по первому разряду (4) и прослужив положенный срок в армии (5), он подал документы для поступления в отдельный корпус жандармов, и не только прошёл проверку и стажировку, но и благодаря родственным связям добился назначения именно в следственный отдел. Работа следователя его увлекала в отличие от карьеры, к которой он был абсолютно равнодушен, так же, как и к деньгам – он был богат. Всё это позволяло Уварову сохранять определенную независимость – не только выражать свою точку зрения, но и отстаивать её. Если бы Харитонов захотел подложить Лаврентьеву свинью, то лучшей кандидатуры, чем Уваров нельзя было и желать. Ехидно ухмыльнувшись, начальник следственного отдела МГЖУ вызвал поручика.

Приехав на место, Уваров отослал одного из жандармов за

хозяйкой, предоставив для этого свою коляску, а сам занялся осмотром. На листе бумаги он вычертил план дома, измерил, все комнаты и указал размеры. Затем отметил положение мебели и разбросанных по полу предметов. В это время привезли хозяйку. Извинившись за причиненное беспокойство, Уваров провел ее в самую дальнюю комнату и, показав четыре отчетливо видимых вмятины на свежевыкрашенном полу, спросил:

– Наталья Владимировна, что у вас здесь стояло?

– Ничего. Раньше это был кабинет моего покойного отца, здесь всегда стояли только стол, два стула и два книжных шкафа.

– Хорошо, а что вы скажите по поводу этих пятен? – Поручик указал на многочисленные мелкие пятна сиреневого и черного цветов, покрывавшие пол, стулья и стол. – Откуда они?

– Не знаю, господин следователь. Никогда этих пятен здесь не было.

Достав из кармана фотографию Якимовой Анны Васильевны, Уваров предъявил её Поповой.

– Вы уверены, что именно эта женщина снимала у вас дом?

– Да, это она.

– А мужчину вы не опознали?

– Нет, для меня все мужчины с бородой и усами на одно лицо.

– Хорошо. Пока посидите на улице, а я продолжу осмотр.

Записав показания хозяйки, Уваров приступил к осмотру комнат, на что ушло около часа, однако ничего существенного он не обнаружил. Заканчивая осмотр, поручик вернулся в кабинет за бумагами и только тут обратил внимание, что в камине лежит довольно толстый слой золы. Это было необычно для тёплого лета. К тому же, было заметно, что золу не так давно кто-то ворошил. Как только он стал её разгребать кочергой, сразу послышался металлический звук. Под слоем золы оказался лист железа. Кто-то разобрал дно каминной топки, удалив ряд кирпичей, в результате чего образовалась длинная узкая ниша, которую и прикрыли листом металла. Хороший тайник, который, к разочарованию поручика был пуст. Уваров пригласил Попову.

– Этого не было! – Сразу заявила хозяйка, увидев нишу и лист железа. – Собираясь сдавать дом, я вывезла отсюда все вещи, вымыла комнаты, вычистила кухонную плиту и камин.

– Хорошо, Наталья Владимировна, вас сейчас отвезут, а дом ваш я пока опечатаю. Как только закончим дело, ключи мы вам вернём.

Отпустив Попову, Уваров зарисовал тайник, измерил его и подробно всё описал, включая последние показания хозяйки. Закончив с домом, он через заднюю дверь вышел в сад, где царило полное запустение, что было на руку следователю. Густо разросшаяся изумрудно-зеленая трава ровным ковром расстилавшаяся справа и слева от Уварова явно свидетель-

ствовала, что к хозяйственным постройкам никто не приближался, как минимум, месяц. Единственная недавно проложенная тропа вела к противоположному концу участка. Туда и пошёл поручик, пока не уперся в дощатый забор.

Все доски были на месте и даже прибиты, но на почерневшей от времени поверхности явно были видны свежие следы недавнего взлома. Четыре доски снимали. Зачем? Скорее всего, чтобы что-то вывезти, поскольку в доме ничего постороннего не обнаружено. Уваров легко перемахнул через забор и тут же увидел старую заросшую колею, идущую задворками параллельно Смоленской дороге. По свежим следам не составляло труда понять, что здесь недавно стояла повозка, которая затем развернулась и поехала обратно. Следы были отчётливо видны в густой траве. Уваров пошёл по колее, которая саженей через сто свернула направо и между домами вышла на Смоленскую дорогу.

Поручик сразу вспомнил кунцевский могильник, обнаруженный пару дней назад. Отсюда примерно вёрст семь – восемь, прикинул он, стоя на обочине Смоленской дороги, да и по времени совпадает. До сих пор Уваров считал, что из дома вывезли только оборудование, но теперь он уже не был в этом уверен. Вернувшись, поручик взял образцы краски, которой в изобилии были забрызганы пол и мебель в кабинете. Закрыв и опечатав дом, он отпустил конвой, а сам поехал в Кунцево.

Ему не составило особого труда выяснить у местных, где

именно находился могильник. Яму уже закопали и сравняли с землёй, а вокруг было все истоптано, так что обнаружить какие-либо следы не представлялось возможным. Собственно Уваров и не собирался ничего искать, а всего лишь проверил, насколько удобен был этот маршрут для вывоза тел. Подъезд хороший, а захоронение располагалось в уединенном, малолюдном месте и обнаружить его можно было лишь случайно.

Закончив осмотр, Уваров всё зарисовал, подробно описал, и вернулся в Москву. Однако поехал не в свое управление, а в сыскную полицию. Поскольку материалы дознания уже отправили в Московский окружной суд, пришлось ограничиться лишь тем, что рассказал ему сотрудник сыскного отделения Макаров и сравнить образцы краски с пятнами на руках и одежде убитых. Вернувшись в управление, он сразу пошел в кабинет к Харитонову.

– Уже закончили? – Спросил начальник, продолжая что-то писать, лишь мельком взглянув на вошедшего поручика. – Положите отчёт на стол, я завтра подпишу и отдам в канцелярию.

– Пока нечего подписывать, ваше благородие. – Уваров прошел и без разрешения уселся на свободный стул.

Харитонов, зная по опыту, что поручик не уйдет, пока не изложит свои соображения, нехотя отложил ручку и отодвинул в сторону бумаги.

– Я вас слушаю, Пётр Семенович.

– Попова отказывается признать, что ошиблась и настаивает, что женщина, снимавшая у неё дом именно Якимова Анна Васильевна.

– А мужчину она не опознала?

– Там сложно. – Уваров не стал объяснять, почему не показывал хозяйке фотографию мужчины. – Борода и усы сильно меняют внешность, делают людей похожими друг на друга и не похожими на самих себя.

– Даже если она настаивает, это ни о чем не говорит. Нужны более веские факты.

– На полу в одной из комнат я обнаружил четыре четких отпечатка от станины. Там явно стояло какое-то тяжелое оборудование. И там всё забрызгано типографской краской.

Уваров достал из кармана две бумажки и, развернув их, пододвинул к ротмистру.

– Подпольная типография? – Харитонов, понюхал образцы краски. – Похоже свежая?

– Думаю, не больше трёх – четырёх дней назад эта типография ещё работала.

– А сейчас там ничего нет.

– Кроме следов типографской краски и отпечатков опорных ножек станины.

– Кстати, по размерам этих отпечатков можно определить модель станка.

– Верное замечание, ваше благородие. – Уваров хитро улыбнулся. – К сожалению, ни один из известных печатных

станков не подходит. Я проверил и российское и импортное оборудование.

– Опять ваше заключение ничего не значит, могли установить какое-нибудь допотопное барахло, пятидесятилетней давности.

– Могли. – Не стал спорить Уваров. – Есть ещё кое-что. В каминной топке, под слоем золы я обнаружил тайник. Кто-то вытащил ряд кирпичей и закрыл эту нишу листом железа.

– Ничего удивительного. – Пожал плечами Харитонов. – Революционеры постоянно устраиваю тайники на конспиративных квартирах для хранения запрещённой литературы. Пётр Семенович, я допускаю, что в этом доме располагалась подпольная типография. Кстати, Лаврентьев этого не отрицает, именно поэтому он и установил за домом наружное наблюдение.

– Наблюдение установили лишь пару дней назад, когда там уже никого и ничего не было. Почему?

– Поздно получили сигнал от тайного агента, вот и всё объяснение. Этого мало, Пётр Семенович, чтобы отказать Лаврентьеву в закрытии дела. Есть ещё что-нибудь?

– Могильник в Кунцево.

Харитонов задумался, затем взял лежавшие на краю стола сводки происшествий.

– Время совпадает.

– Не только время. По заключению экспертизы, все трое были типографскими рабочими. По цвету, пятна краски на

руках и одежде совпадают с теми, что я обнаружил в доме на Смоленской дороге.

– Но это же абсурд. Зачем нападать на какую-то вшивую подпольную типографию, да ещё пытать рабочих. Ради глупых прокламаций, которые на улицах раздают бесплатно?

– А если там печатали не прокламации?

– Не говорите загадками, Пётр Семенович.

– В кармане одного из убитых нашли новенькую двадцатипятирублёвую ассигнацию.

– И что?

– Где простой рабочий мог её взять, если последняя эмиссия была четыре года назад? Обратите внимание на цвет красок – сиреневый и чёрный.

Харитонов открыл ящик стола и выложил на стол перед поручиком два листка «Народная воля» и несколько революционных прокламаций. На всех экземплярах заголовки были напечатаны сиреневым цветом.

– Не нужно всё усложнять, поручик.

Уваров был явно сбит с толку. Версия, ещё минуту назад, казавшаяся ему единственно верной, в один момент рухнула, как карточный домик. Он, молча, сидел перед начальником и не знал, что сказать. Ротмистру вдруг, чисто по-человечески, стало жалко молодого поручика.

– Пётр Семёнович, я не говорю, что вы ошиблись, просто не стоит делать поспешных выводов. Как видите, наличие двух цветов краски на одежде убитых может иметь различ-

ное объяснение.

– Но вы сами признали, что нападение на типографию, в которой народовольцы печатают свои прокламации, противоречит здравому смыслу.

– Я этого не отрицаю, однако вы ещё не доказали, что кунцевские трупы это работники типографии, располагавшейся в доме мадам Поповой. Из улик у вас только следы типографской краски, но доказать идентичность пятен в доме и на одежде практически невозможно. Не могут наши эксперты провести подобный анализ, остается только совпадение цветов. Нужны более веские доказательства для обвинения кого-либо в изготовлении фальшивых ассигнаций. Например, поддельные купюры, инструменты, оборудование, на худой конец, эскизы или обрывки бумаги с водяными знаками. Завтра я постараюсь получить эту двадцатипятирублевую ассигнацию, для проведения экспертизы.

– К сожалению это невозможно, ваше благородие.

– Почему?

– На следователя Дымова совершено разбойное нападение. Все материалы по делу, в том числе и двадцатипятирублёвая ассигнация исчезли.

– Получается, что у нас на руках нет никаких улик? – Подвёл неутешительный итог ротмистр, нервно постукивая пальцами правой руки по столу. – Пётр Семёнович, я подпишу рапорт, пусть Лаврентьев закрывает дело, но вы можете продолжить расследование под мою личную ответствен-

ность. Единственное условие – о своих подозрениях никому ни слова.

После ухода Уварова, Харитонов ещё раз внимательно перечитал рапорт и совсем в другом свете увидел «строптивого» поручика.

– Отличная работа! – Отметил он про себя. – Главное быстро и по делу. Лаврентьев явно что-то темнит, пытаясь выдать дом Поповой за обычную подпольную типографию.

***

Раздался условный стук в дверь, затем в замочной скважине дважды повернулся ключ, и через мгновение в комнату вошла Перовская. Сидевший в кресле у дальней стены Михайлов отложил в сторону револьвер.

– Что нового?

– Дом оцепили жандармы, проводят обыск.

– Там ничего нет, никаких следов, я всё тщательно осмотрел.

– Чёрт с ними со следами. – Отмахнулась Перовская. – Ты лучше скажи, как жандармы могли выйти на дом, о котором знали только три человека, входящие в Исполнительный комитет?

– Может хозяйка обратила внимание на исчезновение постояльцев?

– Прошло всего несколько дней, а ей заплатили за три месяца. Даже если дома никого нет, это не повод поднимать панику. И потом, она обратилась бы в полицию, а не к жан-

дармам.

Михайлов вынужден был признать справедливость доводов своей оппонентки. Действительно, появление жандармов путало все карты. Если раньше ещё сохранялась слабая надежда, что провал был случайным, что не сегодня так завтра люди объявятся, и всё разъяснится, то с появлением жандармов она исчезла.

– А как насчёт Желябова (6)?

Секретный проект террористической группы «Свобода или смерть» изначально курировали три человека: Михайлов, Перовская и Квятковский. После ареста Александра Квятковского в ноябре 1879 года Перовская предложила на его место своего любовника Желябова. Михайлова такой расклад не устраивал, поскольку фактически он терял контроль над проектом, оставаясь в меньшинстве, но кандидатуру Желябова поддержал лидер организации Лев Тихомиров (7).

– Ты забыл, что Желябов принимал самое активное участие в трех покушениях на царя. Как можно сомневаться в его преданности нашему делу?

– Не забывай, что все эти три покушения, по странному стечению обстоятельств, провалились. Под Александровском ему представилась прекрасная возможность взорвать царский поезд, но он её упустил. Почему?

– Там была какая-то техническая неисправность.

– У меня другие данные. Там перепутали провода при

подсоединении катушки Румкорфа. Подсоединял Желябов, кто может поручиться, что он сделал это не специально?

– Он юрист, а не техник.

– Как просто всё объяснить – он не специалист! – Возмутился Михайлов. – Зачем вообще соваться в дела, в которых не разбираешься? Ты знаешь, во что нам обошлась его некомпетентность?

– Александр, хватит препираться. Давай решать, что будем делать. Желябова сейчас нет, значит, решение должны принять мы с тобой.

– Для начала нужно разобраться в том, что вообще произошло. Как там с трупами в Кунцево, есть какая-то информация в газетах?

– Нет, даже фотографий убитых для опознания не печатали. Даже если выяснится, что в могильнике наши люди, мы всё равно не поймём, что там произошло. Нужен профессионал, но среди наших людей нет сыщиков.

– Среди наших товарищей точно нет, а как насчёт твоего «крёстного», который стал криминальным журналистом, он согласится нам помочь. Естественно не бесплатно.

– Ротмистр Авилов? – Перовская на мгновение задумалась, словно взвешивая все «за» и «против». – Можно рискнуть. Правда придётся раскошелиться.

– Тогда собирайся, завтра утренним поездом выезжаешь в Петербург.

Примечания:

МГЖУ – Московское губернское жандармское управление.

По этому адресу располагалось Московское губернское жандармское управление (МГЖУ).

Коллежский асессор – чин VIII класса в табели о рангах (майор).

Окончил военное или юнкерское училище с золотой медалью.

Срок службы в армии 6 лет.

Желябов Андрей Иванович (1851 – 1881) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства Александра II. Повешен на площади Семеновского полка 3(15) апреля 1881 года.

Тихомиров Лев Александрович (1852 – 1923) – русский общественный деятель и политический теоретик. В молодости – народоволец. В 1888 году отрёкся от революционных убеждений. Вернувшись в Россию? после помилования стал монархистом.

***

Глава 7. Предложение, от которого нужно было отказаться. Петербург, 8 июня 1880 года, вторник.

Криминальный журналист популярной столичной газеты «Петербургский листок» (1) Алексей Николаевич Авилов, раскрыл веером свои карты, мельком взглянул на них и небрежным жестом бросил на зелёное сукно.

– На сегодня всё, господа. – Объявил он своим партнёрам

и жестом подозвал официанта. – Пора и честь знать.

Встав из-за стола, он залпом выпил поданную официантом рюмку коньяка, бросил на поднос трехрублёвую ассигнацию и, взяв трость и шляпу, направился к выходу. Сегодня не его день, это он почувствовал практически сразу, но из приличия просидел почти час, делая незначительные ставки. Он не был заядлым картёжником, и больше предпочитал общество красивых женщин, чем пустые светские разговоры за карточным столом, но, как говорили древние «positio requirit» (2).

Посчитав, что на сегодня он уже выполнил свою норму, Авилов, чувствуя накопившуюся за последние дни усталость, решил поехать домой и хорошенько отоспаться. Было почти восемь часов вечера, когда он вышел из ресторана. Небо над Петербургом затянуло тучами, и моросил мелкий дождь. Взяв извозчика, он доехал до своего дома, расплатился и зашёл в расположенную напротив кондитерскую, где купил коробку пирожных. Он обожал пить шампанское со свежими эклерами, но потакал своей слабости лишь дома в полном одиночестве. Предвкушая приятный вечер за бокалом ароматного игристого вина, и насвистывая на ходу арию герцога Мантуанского (3), Алексей легко взбежал по лестнице на второй этаж. Доходный дом, в котором он снимал квартиру, хоть и располагался в центре Невского проспекта, особой роскошью не отличался. Лестница не была покрыта коврами, а роль ливрейного швейцара исполнял постоянно

пьяный дворник в грязном холщёвом фартуке.

Не успел Авилов зайти к себе в квартиру, как висевший над дверью бронзовый колокольчик резким перезвоном известил его о приходе нежданного гостя. На всякий случай, захватив по дороге массивную трость со встроенным клинком, Алексей открыл дверь. Из полутёмного коридора на него смотрело давно забытое, но всё ещё не утратившее наивного детского очарования лицо с большими светло-серыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.